

Георгий и Ольга Арси *Проклятие старого помещика*

Исторический детектив
написан на основании архивных записок действительного
статского советника по полицейской части Тулина Евграфа
Михайловича

Георгий и Ольга Арси

**Проклятие старого помещика.
Исторический детектив написан
на основании архивных записок
действительного статского
советника по полицейской части
Тулина Евграфа Михайловича**

«Издательские решения»

Георгий и Ольга Арси

Проклятие старого помещика. Исторический детектив написан на основании архивных записок действительного статского советника по полицейской части Тулина Евграфа Михайловича / Георгий и Ольга Арси — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-969332-7

Сюжет книги погружает в поиск украденных уникальных коней, принадлежащих голове города Тулы. В ходе розыска стало известно о тайне давней смерти старого генерала. Виновный в убийстве отставного военного, произошедшем сорок лет назад, становится объектом мести. Потомки старика мстят за его мучительную смерть, не считаясь с нормами морали и законами государства.

ISBN 978-5-44-969332-7

© Георгий и Ольга Арси
© Издательские решения

Содержание

От авторов	6
Наши книги	7
Пролог	8
Глава 1 Тульский голова Добрынин	12
Глава 2 Подпоручик Ржевский	18
Глава 3 Сельцо Прилепы	23
Глава 4 Допросы жителей Прилеп	27
Глава 5 Гвардейская пуговица	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

**Проклятие старого помещика
Исторический детектив написан
на основании архивных записок
действительного статского
советника по полицейской части
Тулина Евграфа Михайловича**

Георгий и Ольга Арси

Корректор Елена Анфалова

© Георгий и Ольга Арси, 2024

ISBN 978-5-4496-9332-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От авторов

Сюжет детективного романа затрагивает события, относящиеся к XIX веку. Он погружает читателя в авантюрную историю розыска коней орловской породы, похищенных конокрадами с тульского конезавода. Детектив является продолжением романов: «Дело о секте скопцов» и «Клад Белёвского Худеяра».

Книга является третьей из серии романов, повествующих о жизни и быте представителей разных слоев общества в России этого периода, однако полностью самостоятельна в сюжете.

В романе наряду с вымышленными героями присутствуют реальные исторические фигуры, активно влиявшие на развитие общества того времени. Однако авторы не дают им оценку, в отличие от выдуманных героев. Они только констатируют их историческую роль и события, участниками которых явились данные персонажи, импровизируя и предполагая их поведение в духе нравов XIX века. В связи с этим степень ответственности за историческую ценность книги весьма условна.

Авторы благодарны огромному историческому наследию, которое оставили потомкам русские писатели и мемуаристы: Иван Михайлович Долгоруков, Сергей Васильевич Максимов, Иван Гаврилович Прыжов, Иван Яковлевич Бутович, Николай Герасимович Савин – в своих записках, Надежда Петровна Ржевская – в мемуарах. Благодаря этим историческим трудам стало возможным создание этой книги.

Посвящается Лежебокову Александру Васильевичу и Никольникову Дмитрию Александровичу в знак признательности за давнюю дружбу и взаимное уважение.

Текст печатается в авторской редакции и пунктуации.

Наши книги

Серия детективных исторических романов:

Дело о секте скопцов

Клад Белёвского Худеяра

Проклятие старого помещика

Китовая пристань. Наследие атамана Пугачёва

Серия исторических мистических триллеров:

Орден Падшего Ангела. Тайный слуга Люцифера, или Секретарь инквизиции.

Орден Падшего Ангела. Демоны Infernalis, или Мертвецкий лекарь

Ада, или Мертвецкий лекарь

Орден Падшего Ангела. Поцелуй Люцифера, или Ведьма из Черветери

Серия гангстерских детективных фантастических романов:

Киллер для профессора, или Новая эпидемия чумы

Киллер для клона, или Практическая фрикопедия

Серия детективных иронических романов:

Переполох на Большой Покровской, или Найдите бабушку

Тайна парка «Швейцария», или Маска маркиза де Сада

Пролог

В селе Умновшина, что находится на границе Тульской и Рязанской губерний, рядом с рекой Засмеяшь, наступил поздний вечер. Усадьба генерал-лейтенанта Асмайлова в последнее время освещалась плохо, почти все проёмы окон барского дома были тёмными. Только в окнах опочивальни хозяина поместья мерцали огоньки свечей. Да и с порядком внутри жилища было не лучше. Никому не было дела до внешнего антуража. Семидесятилетний старик, участник четырёх войн России во славу Отечества, кавалер многих орденов и прочих наград Российской империи сильно болел. В военных сражениях и бравых походах в защиту престола и своего народа провёл он более десяти лет, получил множественные ранения и не одну контузию. В этом году ему вообще не везло со здоровьем, видимо, жизненные силы были на исходе, возраст давал о себе знать болезнями и недомоганиями, старческой слабостью. Оградившись от немногочисленных приятелей и светского общества, старик – когда-то блестящий придворный и бравый вояка – всё чаще оставался один, предаваясь воспоминаниям и личным переживаниям. Вот и сейчас он лежал в постели, измученный бессонницей, верной и надёжной спутницей последних лет жизни. Слуга спал где-то в нижней части барского дома.

В голове отставного генерала бродили нерадостные мысли, они и не давали уснуть: «Прошка, слуга, тоже старый, лет шестьдесят уже стукнуло. Все войны со мной прошёл, но и он сдавать начал. Со слухом нелады, половину того, что говоришь, не слышит. По губам понимает, на том и держится. Надо бы поменять! Только зачем? Самому недолго осталось жить на этом свете. Хотя, может, и поднимусь ещё, на дворе скоро лето, а летом всегда сподручнее жить. Душа летом уходит в мир иной не хочет, не желает. В последние годы вообще никого не вижу из старых товарищей, приятелей. Никто и не приезжает. Боевых друзей разметало по огромной России, да многие уже и умерли. Век моего поколения к концу подходит. Остальным молодым старик зачем нужен? Им бы погулять, попьанствовать да по девкам побегать. А я уже по этим делам не ходок. Из радостей осталась только одна охота, в прошлом году добывал зверя, и удачно. В этом году посмотрю ещё, если даст Бог здоровья, может, и поохотимся. Хотя дело не в этом, совсем не в этом, просто обидно за прожитые годы жизни. Общество меня сторонится, всякие кляузы сочиняет, в стыд вводит. Оболгали и оклеветали, тому и рады. Чего не делал, всё приписывают. Под надзор властей ввели за придуманные жалобы от крепостных. Под постоянное наблюдение в своё имение сослали. Приказано жить безвыездно. Так и существую, мучаюсь уже три года. Забыли, сколько я для империи, престола и дворянства сделал! Ещё три года назад на виду у всех был, на всех приёмах и во всех общественных присутствиях, почитаем и узнаваем. Всё уважение окончилось в один миг, в один месяц. Даже император выразил своё неудовольствие и отдал приказ забыть больного и старого, верного слугу престола. Конечно, я не подарок, вспылчив, жесток, своенравен. Так все такие, не я один. В шестьдесят семь лет из любого старика можно дурака сделать. Видно, кому-то моё богатство спать не даёт. В последние годы и с головой что-то не в порядке. Память теряю, что делал – не помню. Кошмары снятся, видения всякие приходят. Да это и понятно – одних контузий три, не считая ранений. Заснёшь, а кровь, пролитая в сражениях, так и стоит перед глазами. Проснёшься – голова разрывается и лопается от боли. Вон их сколько, орденов да прочих отличий по стенам развешано, а здоровье не вернёшь. Плохо, что так и не женился и родных детей не завёл. Незаконнорождённых – четверо, и трое из них с отцом знаться не желают. Да и как жениться? Потерял в тяжёлое время любовь навсегда. Погибла любимая Елизавета при войне с французом. В то время, когда Наполеон на русскую землю вторгся. Ограбили и убили под Москвой, когда бежала из белокаменной, спасаясь от врага. Тяжёлую, мученическую смерть приняла любимая женщина. Больше подобной найти не смог, не повезло и не получилось. Остальным только деньги подавай, любовь ни к чему. А дети, от дворовых девок нажитые, к отцу относятся без

особого уважения, без любви, почёта и заботы. В завещании всем отписал большие капиталы, никого из них, троих, не забыл. Матерей их тоже милостью не обидел. Вольные всем дал, да только мало им, растут неблагодарными. Вся надежда на последнего ребёнка, хоть и незаконнорождённого: может, из него толк будет? Хотя вряд ли увижу, близок смертный час. Четвёртому ребёнку ещё всего ничего, семь лет, но и про него не забыл. О незаконной жене, матери своего ребёнка, побеспокоился, подумал. Она – самая любимая, хоть и старик я, а она молода. Всё у нас было по согласию, да только если люди узнают, то опять грязью оболуют и придумают небылицы. Поэтому правильно, что отправил её подальше, в Тулу. Там дом ей купил, фамилию новую с паспортом справил, теперь она Остепная. Никто и не вспомнит о старой фамилии и прежней жизни. Вольную выправил и капиталов на безбедную жизнь оставил, после моей смерти, может, и замуж достойно выйдет, в жизни всё бывает! Даже необычные украшения заказал у лучшего ювелира. Обещал он, что подобных изделий больше никогда не повторит. Дороги необычайно: по десять рублей за каждое отдал, двух коней купить можно. Одно, с символами родового герба, – жене, а другое – ей же оставил, чтобы дочери семилетней отдала. Пусть растит ребёнка, мне уже недолго осталось. Она одна ко мне по-человечески относится. Даст Бог здоровья, съезжу, навещу их».

Мысли путались. Генерал перевернулся с боку на бок, желая заснуть, но не смог. Послышался подозрительный шум где-то в нижней части дома. Старик присел на кровати. Дверь в его комнату была открыта, поэтому всё, что творилось на первом этаже, было хорошо слышно. Иной раз кошки ходят, мышей гоняют, а их слышно, как будто рядом находятся.

– Прощка, ты? Чего тебе не спится? – слабо проговорил он, на громкий голос не хватало сил.

В ответ отозвалась тишина, нарушаемая движениями маятника напольных часов и шуршанием мышей где-то под крышей.

«Кажется, наверное. Опять с головой беда, болит страшно. Покоя от неё нет, скоро окончательно с ума сойду и стану полным дураком. Ни доктора, ни травы, ни заговоры не помогают, чего только не испробовал – ничего не облегчает боль. Одна тоска днём и страх с бессонницей по ночам, вот мои постоянные спутники. И так уже несколько лет, одна беда со мной», – подумал старик и вновь прилёг на кровать.

Однако шум повторился, но уже гораздо ближе. Послышались тихие крадущиеся шаги. Старик привстал вновь и посмотрел на проём двери. Вошёл Емельян, незаконнорождённый сын.

– Чего тебе, Емельян? Как ты здесь оказался, ты ж в Венёве должен быть? Или опять пропился вчистую? Или в карты проигрался? Как посмел прибыть ночью и без спроса? – сердито спросил бывший браваый генерал.

– Про какой спрос вы говорите, тятенька? Я в родной дом приехал, навестить вас. Беспокоюсь, как здоровье ваше? Может, помочь чем? – с натянутой улыбкой проговорил Емельян.

– Чего ты несёшь? Чтобы ты, и навестил? Да такого в жизни не случится! Да и запрещено без разрешения ко мне прибывать, не помнишь? Что за своеволие такое? Значит, проиграл и раскидал деньги. Я же тебе двести тысяч выдал, да ещё и векселей на такую же сумму, на эти деньги купцом первой гильдии стать можно четыре раза!

– Вы, тятенька, не шумите. Всё одно, никто не слышит. Это вы, когда гусарскими полками командовали, тогда шуметь могли. Сейчас вы старый и никому не нужный человек, тем более – под государственным надзором и опекой. А деньги эти ушли по назначению. Вы думаете, кто письма на вас клеветнические писал в Тулу, Москву и Санкт-Петербург? Я и писал, ваш покорный слуга. Денег на стряпчих не жалел, кого надобно – подмазал от души, подарков дал, взятки посулил. Создал вам всеобщее презрение и полный общественный надзор. Все знают про вашу жестокость и пытки крепостных, насильничанье над девками и травлю людей собаками. Остальные средства сгорели в неудачных коммерческих предприятиях, потому что

обманули меня. Ну и малость проиграл и прогулял. И вот, крохи остались. Надобно ещё дать, тятенька, не жалеите, делитесь. Вам, тятенька, жить осталось немного. Вам деньги ни к чему, у вас их куры не клюют, – вызываясь улыбаясь, ответил Емельян.

– Мне уже семьдесят лет. Какие девки, какое насилие? По человеческой природе сие невозможно! Зачем ты это сделал? Я же с вами по совести поступил, всем помог. Всех на ноги поставил, вольные выправил. Зачем ты моё честное имя и фамилию испоганил? Она и твоя, я ж отец тебе. Зачем, пользуясь моей слабостью, людей в заблуждение ввёл? – удивлённо и разгневанно спросил старик.

– Как зачем? Детей родных у вас нет. Все прижитые от дворовых девок. Денег дали всем, никто не спорит, только мне мало. Понимаете меня? Мне мало! Теперь, когда удалось из вас самодура сделать и под надзор власти ввести, вы в моих руках. Что придумаю, то все стряпчие и раструбят. Все знают, что с головой у вас не в порядке, всему и поверят. Свидетелей любых куплю, чего не было, всё вам припишем. То, что лет вам много, это, конечно, веры в ваши преступления не вызывает. Но, скажу я вам, тятенька, всё можно купить, всё имеет цену, только смотря какую дать. Так что давайте денег. Зачем вам, старому человеку, деньги, уже прожили своё. Если, конечно, желаете жить и умереть в спокойствии, без досужего надзора власти и полиции. Что касается моих имени и фамилии, так они с вами разные. Остальное мне деньги заменят, в том числе и отца. Если не будет вашей доброй воли денег дать, я и сам знаю, где они у вас лежат, – смеясь, ответил Емельян.

– Ах ты, тварь неблагодарная! Посеку проходимца! – ответил генерал, хватаясь за саблю, стоящую у изголовья кровати.

– Сейчас, посечёте! Это вам не в молодости с поляками, шведами и французами воевать и сабелькой помахивать. Силёнок-то у вас и нет уже. Сейчас вы только мышшь можете прихлопнуть, и то не всякую, а умирающую, такую же, как вы, тятенька, старую и бесполезную. Генерал – все мыши наповал, – с этими словами Емельян, издеваясь, толкнул старика, не обращая внимания на саблю, стоящую у изголовья его кровати.

От толчка помещик Асмайлов откинулся и ударился о железную спинку кровати, из головы потекла кровь, залила часть лица. Он тяжело задышал, но сознание не оставляло его. Собрав оставшиеся силы, он вновь приподнялся и присел на кровать.

– Господь и люди накажут тебя, выкормыш! Сторишь ты в аду огненном, пропадёшь за подлость свою!

– Так и наказали! Деньги – они глаз и запаха не имеют. Им всё едино, в чьём кармане лежать. Вам, тятенька, они уже ни к чему. Зачем вам деньги? Они вам не нужны, на тот свет с деньгами не ходят. А если меня разозлите, я ещё и последнюю вашу любовь погублю. Ребёнка тоже не пожалею, прижитого от вас, ваше высокопревосходительство. Думаете, не знаю я, где вы её поселили, четвёртую гражданскую жену, и сколько денег дали? Знаю, я всё знаю, – злобно ответил Емельян, подойдя к деревянному комоду, в котором имелся специальный потайной ящичек с ценностями старого генерала.

– Что ты там ищешь? – всполошился Асмайлов.

– Ваши деньги желаю забрать. Вам пора о вечном думать и душу спасать, а не о капиталах волноваться, – ответил Емельян, выламывая дверцу комода и доставая потайной секретный ящичек.

– Я не желаю знать, откуда тебе ведомо про тайник, но забирай всё, что хочешь. Все капиталы бери, но не тронь жену, – вскричал ослабевший старик.

– Какая она тебе жена? Такая же, как все...! Обещаю тебе, что не будет им покоя и хорошей жизни, – зло ответил Емельян, бросая в небольшой мешок деньги, драгоценности и деловые бумаги старого генерала.

– Мерзавец! Не тронь их, они тебе ничего не сделали, ничем тебя не обидели. Пусть живут своей жизнью. Бог тебя накажет за все твои подлости. Судьба с тобой злую шутку сыг-

рает, подожди. Вспомнишь меня, умрёшь на каторге, как собака умрёшь! – закричал из последних сил старый генерал.

– Успокойтесь, от вас мало что зависит, – с ухмылкой сказал сын, продолжая собирать деньги и ценности.

– Прощка! Прощка, поди сюда скорей, да пистоль захвати, – позвал слугу измождённый старик.

– Не кричите, тятенька, в доме никого. И возле дома тоже никого, только мой давний приятель из Тулы, но он вам не помощник, – с мерзкой улыбкой ответил Емельян.

– Мерзавец, что ты сделал с Прощкой? Он со мной три войны прошёл, – устало спросил старый генерал.

– Может, и мерзавец, но мне так хорошо и удобно. А с деньгами я не мерзавец, а очень даже уважаемый человек для общества. Прощка вперёд вас намылился на тот свет, там вам прислуживать станет. Там и увидите. Надеюсь, завещание готово уже? Интересно, что и кому вы раздарить желаете, где оно? Пока не поздно, изъять его надо у вас и переделать. За мои деньги можно стряпчего, нотариуса купить и волю вашу поменять! – задумчиво уточнил сын.

– Завещание уже готово, и тебя там нет, оно в надёжном месте хранится. Всё добро приличным людям отойдёт, дальним родственникам. Тебе, злыдню, ни копейки, найду я на тебя управу, подожди, – радостно заявил генерал, захлёбываясь старческим смехом.

– Надоели вы мне, болтаете много и не по делу. Мне ваши проклятья – что гусю вода. А вот с бабой вашей обязательно разберусь, и со щенком незаконнорождённым, женского пола, тоже, – ответил Емельян, собрав всё ценное в мешок.

Затем посмотрел вначале на генерала, потом на массивный канделябр с тремя основаниями для свечей, стоящий на столе, но передумал. Поднял боевую саблю генерала, лежащую на полу комнаты, и со всего размаха ударил основанием её рукоятки старика в седой висок. Грузное тело откинулось назад, поперёк кровати, потекла кровь, старик дёрнулся и замер навсегда. Сердце генерала Русской императорской армии остановилось, а на лице появилась недвижимая маска смерти. Душа помещика Асмайлова покинула брренное тело, затем с недовольством и презрением оглядела с высоты своего плавного полёта подлого и неблагодарного незаконнорождённого сына Емельяна.

Глава 1 Тульский голова Добрынин

Титулярный советник¹ Евграф Михайлович Тулин встал утром рано, для того чтобы привести себя в порядок перед предстоящей встречей. Сделал ежедневную разминку, растяжку, повторил несколько приёмов французской борьбы, уделил внимание гимнастике и китайскому бою без оружия. Московский сыщик, чиновник по особо важным поручениям при начальнике сыскной части города Москвы, находился в гостиничной квартире от Императорского оружейного завода, на улице Посольской города Тулы. Жильё любезно предоставил Василий Николаевич Бестужев-Рюмин, генерал и начальник оружейного завода. Евграфа Михайловича связывало с Бестужевым дело, которое сыщик расследовал год назад, в 1881 году. Оно касалось секты изуверов-скопцов, проводивших обряды по удалению половых органов, а также похищения ими секретных документов и чертежей, предоставляющих возможность создания нового стрелкового оружия.

В Тульской губернии сектой руководил некий купец, целью которого являлось освобождение с каторги главного «кормчего» всех общин Российской империи. Генерал Бестужев расследованием дела остался доволен, государственную тайну удалось сохранить, в связи с этим Евграф Михайлович пользовался его искренним гостеприимством и расположением. Накануне, буквально вчера, сыщик неплохо отдохнул в дорогой ресторации на Киевской улице, был он не один и не просто так. Повод имелся – успешно законченное следственное дело по известному грабителю и убийце с Орловского тракта, некоему Михаилу Ивановичу Ершу, тульскому дворянину из города Белёва и бывшему корнету кавалерии уланского полка. В ходе совместной работы с жандармским управлением Тулы и лично начальником, генералом Муратовым, удалось задержать убийцу и двух его поделщиков. Сегодня они уже должны были быть направлены под усиленным конвоем в Москву, в знаменитый Бутырский тюремный замок. За время расследования устал он изрядно, поэтому и был рад отдохнуть в хорошей компании. Присутствовали семь человек из самого высшего общества Тулы: генералы Муратов и Бестужев-Рюмин с супругами, старые друзья сыщика Бобринские-Брежнёвы – граф Пётр Владимирович и его сестра Ольга Владимировна. На обед пригласили и актрису из Симферополя, приму театра, очаровательную Викторию Тихоновну Худеярову. Все были торжественно одеты: мужчины в праздничных визитных костюмах, женщины – в вечерних платьях.

В ресторацию прибыли сразу после театрального представления. Давали комедию незабвенного Николая Васильевича Гоголя «Настоящий ревизор». Встречал компанию лично хозяин заведения в сопровождении двух метрдотелей. Спиртное мужчинам и дамам подавали за счёт заведения, вечер проходил в отдельном кабинете. Блюд было заказано немного, но дорогих и весьма оригинальных. Угощались ухой из стерляди, ростбифом с гарниром из овощей, пирогом со страсбургским паштетом из гусяной печени с трюфелями, котлетами на рёбрышках, лимбургером и пармезаном. Белые грибы, приготовленные в сметане, пирожки с мясом и рыбой были отменными. Вино, предложенное метрдотелем, имело хорошую выдержку и отличалось великолепным вкусом. Украшением стола явились ананасы, дыни и персики. Метрдотель лично доложил гостям о порядке приготовления ростбифа, долго объясняя, что вначале мясо в течение суток находилось в молоке, затем легко обжаривалось, далее томилось в белом вине и только потом окончательно готовилось, оставаясь посередине слегка недожаренным. Он особо подчеркнул, что пирог с гусяным паштетом доставлен из Москвы, чем весьма порадовал генерала Муратова, искренне уважающего хорошую кухню. Угощаясь, обсуждали много разных тем – будущее театра, красоту и неотразимость современных женщин, нравы общества и другие немаловажные и обязательные вопросы, сопутствующие весё-

¹ Гражданский административный чин, соответствовавший армейскому званию штабс-капитана пехоты или кавалерии.

лой компании, сытому столу и хорошему вину. Неоднократно говорились и поднимались тосты за Евграфа – с хорошими, добрыми словами и пожеланиями.

Отношения Евграфа с графиней Бобринской улучшались каждый день, иногда они уже называли друг друга на «ты» – в те моменты, когда оставались без лишних глаз и ушей. Евграф надеялся на продолжение и развитие этих отношений. Сближению способствовало и то, что вскорости они должны были жить в одном городе, так как графиня собиралась переехать в Москву.

Но сейчас, ранним утром, Евграф готовился к выезду в городскую управу, к голове города Тулы Добрынину Николаю Никитичу, человеку уникальному во всех отношениях. Он занимал свой пост более двадцати лет. Генерал Муратов обещал полное содействие в вопросах покупки земли в Суходольском приходе, вблизи усадьбы Астебное, где родился Евграф. Так как день был субботным, выходным, ехать решили все вместе: Муратов, Тулин и Бобринские-Брежнёвы. Генерал Бестужев отказался в связи с приездом на завод комиссии артиллерийского управления из Санкт-Петербурга. После встречи Евграф Михайлович желал пригласить графиню на прогулку и провести с ней всё свободное время до вечера.

Собравшись и подойдя к зеркалу, сыщик увидел в отражении высокого и спортивного молодого человека двадцати восьми лет с приятным и уверенным лицом, небольшими раскосыми глазами, считающимися признаком врождённой осторожности. Ещё раз осмотрев внешний вид и найдя его безукоризненным, махнув отражению, сыщик направился вниз по лестнице к выходу. Он собирался пройти до городской управы пешком. Она располагалась недалеко, на той же Посольской улице. Подойдя к зданию городской управы слишком рано, Тулин от нечего делать начал прохаживаться по улице в ожидании всей компании. Майское утро было удивительно тёплым. Через непродолжительное время подъехали Бобринские, и Евграф помог выйти Ольге из экипажа.

– Рад новой встрече, Евграф Михайлович! Везёт Николаю Никитичу, имеет два кабинета. В здании управы и в городской думе, – весело заявил Пётр, выпрыгнув из экипажа.

– Здравствуйте, графиня, и вы, Пётр Владимирович. Почему у головы их два? – удивлённо спросил Евграф.

– Он же по своему положению является головой управы и председателем думы. Не знаю, как у других, а у нас в Туле так. Что-то господин генерал задерживается, слишком увлечён работой? Не по правилам, – продолжал рассуждать Пётр.

– Ничего страшного, что задерживается генерал, у нас есть время обсудить планы на сегодня. Предлагаю после встречи с Добрыниным где-нибудь отобедать вместе, пригласив Викторию Тихоновну, – ответил Тулин, сопровождая Ольгу Владимировну к зданию.

– Конечно, я не против, но Виктория завтра уезжает, а я обещал ей сегодня показать Тулу. Поэтому предлагаю вам вдвоём с Ольгой исполнить ваше предложение, а вот вечером давайте встретимся у нас, выпьем чаю, раскинем карты.

– Как вы, Ольга Владимировна, что скажете? – уточнил сыщик.

– Предлагайте, Евграф Михайлович, у меня сегодня много свободного времени, впрочем, давайте дождёмся результатов встречи с Добрыниным, затем будем строить планы.

Подъехал генерал Муратов с адъютантом. Остановившись возле здания, бодро выскочил из коляски. Поприветствовав собравшихся, предложил пройти в здание управы. Поднявшись по красивой чугунной ковanej лестнице, украшенной рельефным узором на ступеньках и перилах, они оказались в приемной головы. Служащий, видимо, выполнявший обязанности секретаря, увидев важную компанию, пропустил без доклада. Сопровождавший генерала жандармский офицер остался в приёмной.

– Александр Иванович, как я рад вас видеть! Вчера получил записку. Прибывал адъютант от вас с просьбой принять, если имеется свободное время. Ваше предложение о встрече меня несказанно порадовало. Конечно, не откажу в общении, кто ж начальнику жандармского

управления откажет? Никто. Для вас всегда есть время, – ответил Николай Никитич, радушно встречая гостей в центре кабинета.

– Спасибо, дорогой Николай Никитич, знал, что не откажете старому товарищу, – широко улыбаясь, ответил Муратов.

– Что вас привело, чем обязан? Совсем недавно виделись в театре, на прекрасной постановке симферопольской труппы. Что-то случилось после этого? – уточнил семидесятилетний хозяин города, выглядевший подтянуто и бодро для своих преклонных лет.

– Что вы, Николай Никитич, ничего существенного, но есть дело, совсем небольшое. Сказал бы, мизерное дело для вас. Да и не дело совсем, а так, дельце. Хотел представить вам одного молодого человека, вашего земляка. Остальных из присутствующих вы знаете давно и, надеюсь, с лучшей стороны, – пошутил Александр Иванович.

– Так-так, вижу одно незнакомое мне лицо, но не сомневаюсь в личных и служебных достоинствах, коль вы, Александр Иванович, лично представляете! Назовитесь, с кем имею честь знакомиться, – ответил голова и хитро посмотрел на неизвестного гостя.

– Позвольте, я за него скажу. Как говорил ранее, представить хочу молодого человека. Тулин Евграф Михайлович, титулярный советник, служит при московской сыскной части, туляк, родом с Суходольского прихода. Дворянин, обучался в Александровской военной гимназии, воевал в последнюю Крымскую войну, дослужился до звания штабс-капитана. Героически защищал Баязет, награждён серебряной имперской медалью за военные действия в период русско-турецкой войны 1877—1878 годов. В общем, очень достойный дворянин и гражданин Отечества. В последнее время оказывает нам большую помощь в розыске преступников. Слышали, наверное, два дня назад убийцу Ерша взяли? Его рук дело. Мною при содействии генерала Бестужева ходатайство направлено в Санкт-Петербург, в высочайшее присутствие, с просьбой рассмотреть возможность присвоения следующего чина досрочно и выплаты хорошей премии. Поэтому деньги у нашего героя вскорости появятся. Хотелось бы обсудить коммерческий вопрос, если вы не возражаете. Думает и мается, куда их потратить с пользой для дела. У нас в губернии все знают, что лучше вас никто совет не даст в коммерческих делах, как, впрочем, и во всех остальных, вы известный дока, – подвёл итог своему монологу генерал Муратов.

– Помогу, чем могу, – с уважением сказал Добрынин и пожал руку Евграфу в знак особого уважения.

– Очень приятно, Александр Иванович! И вам спасибо, молодой человек, за обращение ко мне. Польщён, польщён. Давайте обсудим несколько позже наши коммерческие дела, а пока присаживайтесь, чай уже готов. Все вопросы решим. Мы, туляки, хоть люди и небогатые, но гостеприимные и воспитанные, а то своими коммерческими делами нашу очаровательную графиню утомим, – продолжал говорить Добрынин, помогая Ольге Владимировне присесть за чайный столик.

– Да, Николай Никитич, вы гостеприимны, об этом весь город знает. Чаю отведаем с удовольствием, у вас он всегда особый, вкуснее в губернии нет, – поддержал разговор Муратов, также присаживаясь к столу.

– Вы, Ольга Владимировна, всё хорошеете, одна из самых очаровательных и неподражаемых наших тульских красавиц. Да что тульских – российских красавиц! Как папенька, Владимир Алексеевич, и маменька поживают? Как дед? – уточнил голова.

Пока Пётр рассказывал о жизни семьи, Евграф с интересом рассматривал легендарного голову и его кабинет. Вчера он много услышал об этом известном и удивительном человеке. Добрынину шёл семьдесят первый год, но он был необычайно крепок и подвижен. О нём говорили как о человеке выдающегося ума и хозяйской хватки. Не зря четверо членов его семьи уже более тридцати пяти лет правили городом, занимая эту должность двенадцать сроков. Сам Добрынин был избран уже в седьмой раз, до 1886 года. Его род начинал свой путь в большую

жизнь с казённых кирпичников, затем способные предки занялись торговлей хлебом. В восемнадцатом веке стали купцами второй гильдии, в начале девятнадцатого века были переведены в сословие почётных граждан города. А три года назад, в шестьдесят восемь лет, Николай Никитич получил дворянство, с этого момента он и все его дети, а также и потомки детей стали дворянами Российской империи. В Туле голове принадлежала большая часть всех хлебных лавок, кроме того, семья Добрыниных торговала и железом, поставляя товар местным заводам. Николай Никитич являлся крупным домовладельцем, сдавая площади под магазины, квартиры и гостиницы, однако особой страстью головы были кони.

Добрынин расширил коневодческое хозяйство в сельце Прилепы, выкупив конюшни и землю у военного ведомства после смерти генерала-майора Гартунга, бывшего управляющего императорскими конными заводами в Москве и Туле. Он был награждён многими орденами и медалями, среди которых имелся даже персидский орден Льва и Солнца, утверждённый вторым шахом Ирана, Фетх Али-шахом. Голова являлся всем известным меценатом и благотворителем, совместно со многими купцами совершил много богоугодных дел, приносящих пользу тульским жителям. Из них особо выделялось строительство Богородичного Пантелеимонова монастыря в Щеглове, на которое он дал более пятидесяти тысяч рублей. В общем, являлся настоящим и признанным отцом города, неустанно думавшим о пользе обывателей и общественных присутствиях. Кабинет у него был купеческим, несмотря на дворянство, на стенах висели портреты императорских особ, в том числе Александра III, ныне правящего. Изразцовая печь, располагавшаяся в углу, имела искусное художественное исполнение, на стенах размещались канделябры для свечей. Бархатные шторы на окнах и все предметы интерьера кабинета имели вид основательный и крепкий, как и сам хозяин. На хорошем дубовом столе резной работы большой стопкой лежали конторские книги, с одной стороны – городские, с другой – свои, по личной коммерции и торговле.

«За столько лет правления городом у уважаемого головы уже все коммерческие дела перепутались. Где государственные, городские, а где – свои, личного хозяйствования, однако и там, и там польза большая. Город развивается, сам богатеет. Вот ведь умудряются особые люди не путать своё с чужим, везде успевают. Рождён порядочным, поэтому и не ворует», – подумал Тулин.

– Ну, а как там у вас в Прилепах? Что с конезаводом? – перехватил инициативу у Петра генерал Муратов.

– Всё неплохо, я даже сказал бы – прекрасно! Сейчас там у меня тридцать коней, много орловских. Прямые потомки тех, что выведены графом Орловым-Чесменским на Хреновском заводе в Воронежской губернии. Месяц назад прикупил я на этом Хреновском конезаводе за восемьдесят тысяч трёх коней. Одного жеребца Антония и двух кобылок-маток, Эсмеральду и Крали. Уже перегнали в Прилепы. Жеребец свою родословную ведёт от самого Бычка, а тот от Сметанки, так что будем ждать хорошее потомство, скоро на лучшие ипподромы выйдем, – с удовольствием и гордостью рассказал Николай Никитич.

– А что это за жеребцы такие, Сметанка и Бычок? Чем они так знамениты? – заинтересованно спросила Ольга.

– Сметанка был арабским скакуном и основателем породы, купленным за огромные деньги, за него заплатили шестьдесят тысяч серебром. Он того стоил, высокий и крепкий красавец. Когда граф Орлов его приобрёл, то побоялся морем отправлять и приказал везти сушей. Охраняли его больше двух десятков солдат и слуг. Турки выдали охранную грамоту и приставили янычар, все ехали верхом, а коня конюх вёл в повод. Шли через Румынию, Молдавию, Венгрию, Польшу, ну, и так далее, не дольше пятнадцати вёрст в сутки. Везде караван на границе встречали местные власти, выделяя военную специальную охрану. По прибытии в Россию вместе с другими лошадьми был окроплён святой водой, и в честь его прибытия отслужили краткий молебен. После смерти конь оставил четырёх сыновей и одну дочь, а его скелет был

помещён в музей. Вот такой был скакун, – с удовольствием рассказал голова. Было видно, что эта тема ему близка и интересна.

– Да, удивительно, некоторые кони оставляют после себя память большую, чем некоторые люди, – улыбнувшись, сказала графиня.

– Бычок – это Бычок! В 1836 году этот удивительный гнедой конь, рождённый на Хреновском заводе, пробежал в Москве на скачках три версты за пять минут сорок пять секунд и поставил мировой рекорд того времени. После скачек его купил один из коннозаводчиков за огромные деньги – тридцать шесть тысяч рублей. После этого с большими предосторожностями перегнал к себе на конезавод для поднятия потомства, – вновь доложил Добрынин.

– С такими познаниями и такими настроениями вскоре вы, Николай Никитич, затмите славу графа Орлова-Чесменского и прославите тульскую землю. Прилепы станут одним из мест, где существуют лучшие конезаводы, а память о вас переживёт поколения благодарных потомков. О вас ещё неоднократно напишут многие, с прославлением ваших заслуг, – с улыбкой заявил Муратов.

– Стремимся, стараемся, но возраст у меня, сами понимаете, немалый, думать о вечном надобно. Для детей стараюсь и для родного края. В этом вы правы. Бог даст, Прилепский конезавод многие поколения переживёт, вот тогда и вспомнят обо мне добрым словом, в церкви свечку поставят, спасибо скажут. Бог – не Микишка, у него своя книжка. Что мы всё о конях да о конях, давайте вернёмся к вопросу молодого человека. Так что вы желаете, Евграф Михайлович? – уточнил Добрынин.

– Хотелось бы ему на сумму дополнительного вознаграждения приобрести землю под усадьбу и саму усадьбу начать строить. Специально уточнил цены в Суходольском приходе, вблизи усадьбы Астебное, хорошая земля сейчас идёт по пятьдесят-шестьдесят рублей за десятину. Там многие земли вами, уважаемый Николай Никитич, скуплены. Не могли бы уступить какой-нибудь хороший участок по милостивой цене? Евграф Михайлович заслужил пользой нашему краю! – неспешно и уверенно заявил начальник жандармского управления.

– Есть там у меня земля, всё вы, Александр Иванович, знаете! Не обмануть вас, не укрыться. Отчего не уступить, хорошему человеку можно и пользу сделать. А если и очаровательная Ольга Владимировна того желает, тогда разговор за малым, только выбрать остаётся! Ради неё всё сделаем. Я, так понимаю, все, кто прибыли, это ходатаи за титулярного советника, – весело заявил голова.

Но дальше разговор был неожиданно прерван, в кабинет вбежал служащий-секретарь с изумлённым и испуганным лицом. За ним ещё один человек, лицо его тоже было перекошено от страха. Все, кто находился за столом гостеприимного хозяина кабинета, повернулись к вбежавшим.

– Беда, батюшка, беда, отец родной! – запричитал секретарь.

– Что случилось, Аристарх? Не томи душу. А это кто с тобой? – спросил взволнованный Николай Никитич.

– Беда! Жеребца Антония и кобылок Крали и Эсмеральду похитили конокрады! Это вот табунщик с завода, его управляющий прислал с докладом о происшествии, горе-то какое навалилось! Сейчас сам всё расскажет, – запричитал секретарь Аристарх.

– Ну, говори, не томи душу! – строго приказал голова.

– Ваше высокоблагородие, коней украли! Поутру старший конюх пришёл, начал проверять утреннюю дачу лошадям, а Васьки-конюха, который к ним был прикреплен, нет в конюшне. Посмотрел, а в денниках ни жеребца, ни кобыл. Они же в отдельной конюшне содержались, особо ото всех. Управляющий всех табунщиков, свободных конюхов и помощников поднял на коней, по округе на розыски отправил, сам определил, где и как искать, он округу знает хорошо. Табунщиков не было, они с основным табуном на дальнем пастбище были. Управляющий сказал вам доложить и после ваших указаний обратно ехать.

– А ты кто будешь? – уточнил Добрынин.

– Десять дней как у вас работаю на конезаводе табунщиком, из прилепских, управляющий нанял, Фёдором Кушкой кличут.

– Вот что, Фёдор, обожди в приёмной! Дай подумать, – взволнованно ответил Добрынин.

– Как прикажете, Николай Никитич, – с этими словами гонец развернулся и быстро скрылся с глаз хозяина.

– Что ж такое творится, Александр Иванович? Кто ж посмел? Может, цыгане или наша золотая молодёжь? Сейчас, знаете, некоторые дворяне и помещики взяли за правило лошадей красть, у них это как спорт, развлечение. Одного коня помещик Трескин пытался похитить у купца второй гильдии Фролова. Да только для Трескина плохо окончилось: его приказчики купца изловили и хорошенько отдубасили, сейчас при смерти дома лежит. Прошу, Александр Иванович, помочь, шутка ли, такие производители! А каких денег стоят! Восемьдесят тысяч отдал чистыми, не считая перегона и прочих затрат. Кто посмел? Изверги, а не люди! – продолжал расстраиваться неутешный и огорчённый Николай Никитич.

– Николай Никитич, полно вам так надрыватьсь. Всех на ноги поставим, а ваших лошадей найдём, обещаю вам. У нас ещё с этим порядок, а вон в Тамбовской губернии в прошлом году было триста заявлений о кражах лошадей, в Рязанской – четыреста. У нас всего сто. Будем искать, вот ведь ничего не боятся, за кражу или сбыт краденой лошади положено заключение в общую тюрьму до года. Если будет доказан постоянный промысел, то и ссылка в Тобольск или ещё куда похуже. Ну что, Евграф Михайлович, подключайтесь. Заодно и Прилепы изучите, отпуск с пользой для дела пройдёт. Надо нам Николаю Никитичу помочь. Всё, что от меня требуется, будет сделано, лучших сыщиков-филёров и нештатных агентов подключу, всю информацию предоставлю, – пообещал огорчённый случившемся не меньше, чем хозяин прекрасных коней, генерал Муратов.

– Ну что ж, делать нечего, немедленно займусь, сейчас и выеду в село, на конезавод. Когда вам сообщить о результатах, если таковые будут? – уточнил сыщик.

– Немедленно, милейший, немедленно! Я сам туда тоже выеду, только вот отдам необходимые распоряжения по городу, а вы мой экипаж берите и поезжайте. Прошу вас, примите все меры!

– Не беспокойтесь, Евграф Михайлович найдёт коней, не такие сюжеты распутывал. Я ему тоже готов помочь, если генерал Бестужев не будет против моего участия. Попросите генерала, для вас мы все готовы подключиться, – поддержал Пётр.

– Спасибо граф, дай бы Бог! Дай бы Бог! Попрошу Василия Николаевича, авось не откажет, вдвоём-то вам сподручнее будет. Вы уж, Ольга Владимировна, голубушка, извините старика, вот как вышло. А что касаясь земли, решим, вот разберёмся с бедой и решим! – огорчённо заявил Добрынин.

После этого разговора гости покинули городскую управу. Муратов убыл к себе. Пётр направился к Виктории Тихоновне, получив заверения Евграфа, что сегодня он ему не нужен. Ольга Владимировна решила тоже ехать в Прилепы, к большой радости Евграфа.

Глава 2 Подпоручик Ржевский

Усадьба Мильшино, что располагается недалеко от города Венёв Тульской губернии, готовилась к театральным действиям. Господский дом, построенный в стиле императорского Зимнего дворца в миниатюре, сотрясал весёлый смех. Хозяин усадьбы, Пётр Семёнович Ржевский, бывший поручик императорской армии, а ныне уездный земский начальник, находился в Туле, был вызван полицмейстером с докладом о своих успехах и неудачах. Неудач было больше, но это никак не влияло на настроение семейства Ржевских. Впрочем, никто в точности и не знал, там ли Пётр Семёнович. Может, и в Туле, а может, у одной из своих многочисленных любовниц. Только всем известных дам, милых сердцу офицера, насчитывалось около двадцати. Сергей Семёнович, младший брат, готовил карнавальную спектакль.

Выше среднего роста, сухощавый, с приятным и весёлым лицом, он неутомимо бегал между импровизированными артистами и актрисами, одним он поправлял одежду, другим – предметы театрального действия, третьим неутомимо напоминал слова. При этом он был несказанно весел и заразительно энергичен. Зрителей было мало, только старухи и старики из села Мильшино. Но и им были очень рады, так как театр без зрителей – что кладбище без покойников. Сцены не было, потому что действие шло везде, в разных уголках усадьбы и в самом господском доме. Таково было решение неутомимого «режиссёра». Зрители обязаны были не сидеть на постоянных местах, а следовать за артистами. Если не успевали следовать за действием или не выражали своих эмоций в достаточном количестве, могли быть биты розгами. Однако не всерьёз, а так, ради смеха. Те, кто, наоборот, высказывал бурные эмоции, поощрялись, им давались по копейке или какая-нибудь сладость, конфета либо пирожок. Для этого назначался специальный человек с розгами и корзинкой с подарками. Этот подход к работе со зрителями был новым и прогрессивным в театральном искусстве. Сие новшество придумал сам Сергей Ржевский для веселья и потехи. Он искренне удивлялся, почему эту практику не применяет ни один театр мира.

Усадьба представляла собой, как уже было сказано, Зимний дворец, только очень и очень маленький. Злые языки говорили, что старший брат вложил в строительство более двадцати тысяч рублей, полученных в наследство. Сей удивительный проект прислали ему из Санкт-Петербурга по поручению самого императора. Дворец Пётр Семёнович строил почти три года, но полностью так и не достроил из-за нехватки средств. Это было трёхэтажное здание с подвальными помещениями, в нём имелись прекрасная баня, кухня, помещения для прислуги, прачечная, комната со льдом, погреб для вина, хранилища для овощей, девятнадцать жилых комнат, детские, кабинет хозяина и его спальня, будуар супруги, столовая, комната горничной, судейская, помещение для ожидания свидетелей и обвиняемых, библиотека, правда, без книг. Имелся зимний сад с деревенскими растениями, которые и сами, без всякой помощи и ухода, активно произрастали в Венёвской округе. Вся эта роскошь предназначалась для девяти человек семьи: супруги поручика Ржевского, шестерых детей и младшего брата. Прислуга из трёх человек занимала огромный подвал. В тылу усадьбы, за зданием, там, где их было незаметно, стояли уличные туалеты. Обустроить в здании самой усадьбы люфт-клозеты не получилось из-за банального отсутствия капиталов.

Бывший подпоручик гвардии Сергей Ржевский был очень рад и весел новой забаве, им самим и придуманной. Вместе с ним были рады и веселы все слуги. Веселиться – не работать. Наступило тепло, пережили зиму. Особенностью семьи Ржевских являлось то, что у них не было достаточных капиталов для поддержания уровня того статуса, которому они желали соответствовать. Зимой было некомфортно, потому как протопить это венёвское чудо-сооружение практически было нечем из-за недостатка средств.

Театральное действие начиналось в большом зале для танцев. В этот день в усадьбе репетировали постановку «Вий» по повести Гоголя. Двух студентов Киевской духовной академии, роли второстепенного плана, играли два мужика из села, Потап и Фёдор. Студента Хому, главного героя, представлял Васька, худой и тщедушный мужичок с жиденькой бородой. Он являлся всем известным корчмушником, торговцем самодельной водкой, поэтому был как всегда слегка навеселе. Хозяйку дома, где остановились студенты, играли две бабы. Одна – старая кухарка Матрёна с большим носом картошкой и толстой, объёмной фигурой. Её роль начиналась вначале и заканчивалась до того, как хозяйка превращалась в красивую панночку. Второй актрисой была молодая гувернантка Мили, очаровательная француженка. Трудилась она в усадьбе недавно, заменив прошлую воспитательницу детей. До неё гувернанткой была немка, особа весьма занудная и неприятная, возрастом около сорока лет, но она рассчиталась, перейдя на службу в другую семью, предварительно подав в суд за оскорблённое достоинство. Виной всему была шутка подпоручика. Поведение немки, гувернантки, отличалось вечной озлобленностью и претензиями к окружающим, включая детей, племянников и племянниц подпоручика. Подобное отношение Ржевский простить не мог, так как младших детей любил и баловал, вставал на их защиту постоянно. Вскорости поведение гувернантки перешло все грани дозволенного, и Сергей Семёнович решил с этим покончить. У него имелся недалёкий по уму приятель, докучавший постоянными просьбами о долговых займах. Подпоручик уже и забыл, где он с ним и в каком месте познакомился. Однако тот Ржевского в покое не оставлял, как правило, прибывал, когда заблагорассудится, и не уходил, пока не выпросит несколько денежных купюр и не пообедает. Частенько оставался и на ужин, вопреки желанию хозяев и правилам гостеприимства. Деньги возвращал редко, в основном только, для того чтобы занять вновь на следующий день. Скорее всего, был подвержен карточной игре, а уж алкоголизм был меньшим из его недостатков. Так вот, подпоручик решил проучить обоих. Он рассказал бывшему приятелю, а ныне надоедливому повесе, мещанину Александру Асмайлову о том, что гувернантка готова дать займы достаточно неплохую сумму, но при одном условии: если только тот обязательно женится на ней, предварительно шуточно отхлестав её плёткой, так как у них на родине это является правилом для будущего мужа и обязательным условием демонстрации любви. Вечно находящийся в долгах Асмайлов вначале сопротивлялся, но затем, махнув рукой на возраст дамы и прельщаясь деньгами, согласился. Ржевский немке несколько раз сообщал, что мещанин желает жениться на ней, так как она ему несказанно нравится за красоту и необычность происхождения. Он, дескать, испытывает любовь ко всему немецкому, педантичному и желает подобную хозяйку в дом. К замужеству гувернантка была давно готова, можно сказать, даже мечтала, поскольку считалась уже старой девой по русским и немецким общественным законам морали. Сравнительно молодой Александр ей нравился, несмотря на то что был личностью премерзкой, по мнению подпоручика, так как находился постоянно в долгах, просительном положении, злоупотреблял картами и водкой. Был у него и ещё один странный недостаток. Трезвый, он картавил, только лёгкое состояние подпития позволяло ему скрывать свой дефект речи.

Немка желала поселиться в России с мужем, надеясь на его перевоспитание, но Ржевский поставил ей обязательное условие, что для сватовства необходимо показать будущему жениху, сколько у неё имеется наличных денег. В один из дней состоялась встреча. Ранее жених с невестой были поверхностно знакомы, немного общались, однако в этот день встреча и разговор должны были быть другими, посвящёнными женитьбе. Александр Асмайлов прибыл в лучшем наряде, хоть и не первой свежести, и был практически трезв.

Асмайлов прибыл в усадьбу и, уединившись с гувернанткой в одной из комнат, предоставленных Ржевским, видимо, начал разговор о деньгах. Однако друг друга они понимали плохо. Разговор проходил на смеси ломаного немецкого языка с русским. «Невеста», по уговору, показала ему кошелек с ассигнациями. «Жених», в свою очередь, поняв, что деньги необ-

ходимо заслужить, начал оказывать ей знаки внимания, как его и научил подпоручик. Достал плётку и несколько раз ударил по мягкому месту. Дело закончилось скандалом и судом, в ходе которого с Асмайлова была взыскана большая сумма, окончательно вогнавшая его в долги. Этим и закончилось неудачное сватовство немки-гувернантки. Ржевский достиг своей цели, отвадил Асмайлова от дома, а домашние освободились от занудной немки.

Театральное действие в усадьбе набирало обороты. Вия играл кучер Макар, специально для этого обряженный в три тулупа, один больше другого, и с бородой до пола, сделанной из мешковины. Последний тулуп был вывернут мехом наружу. Остальную «нечисть» изображали все, от мала до велика, общим числом человек десять, одетые кто во что горазд. В рваной одежде, в том числе шиворот-навыворот, с размалёванными лицами, они метались по всей усадьбе, тренируя слова и свои театральные действия. Всем было весело от барских придумок и затей.

– Барин, а барин, а вы в театре сами бывали когда-нибудь? – спросил один из мужиков у подпоручика Ржевского.

– Конечно, и не раз бывал! Пока к вам не переехал, вурдалакам! – смеясь, ответил подпоручик.

– А правда, что эти актёрки и актёры на цыпочках там, в театре, ходят?

– Правда. Только не в театре, а в балете. И не актёры, а танцоры. Тебе всё одно не понять, – ответил Сергей Семёнович.

– Хотел спросить у вас, барин, а почему они на цыпочках ходить изволят? – не унимался мужик.

– Почему, почему? А ты вот почему на курином дворе, где куры живут и гадят, на цыпочках ходишь?

– Знамо, почему – потому что загадят все места, и ходить негде становится, – ответил мужичонка.

– Вот и они по той же причине так ходят. Всё, хватит болтать. Искусство не ждёт, в воскресенье даём постановку. Давай, Матрёна, прыгай на студента Хому и погоняй его, играй ведьму. Хотя тебе и играть её не надо, ты и есть ведьма! Прыгай, кому говорю, иначе выпорю, – весело кричал Сергей Ржевский на втором действии собственной пьесы.

– Батюшка ты наш, барин! Как же я на Ваську прыгну, слабенький он, махонький. Вообще одни кости, сломаю его, ненароком, бедолагу. Да и прыгать лет уж десять не умею. Не смогу я! – визжала кухарка, весело смеясь.

– Прыгай, Матрёна, полетим с тобой вместе, как ведьмаки! – кричал полупьяный Васька, успевший накатить стакан спиртного где-то в углу залы, пользуясь общей суматохой.

– Чёрт с тобой, Матрёна. Вернее, Вий с тобой! Так и не достигнешь успехов в театральном искусстве, умрёшь необученной венёвской бабой. Ну, тогда вы, Мили, прыгайте, у вас получится, – приказал Ржевский.

Прислушавшись к Сергею, горничная быстренько ухватила Ваську за шею одной рукой и присела к нему на спину. Второй рукой она начала шуточно хлестать его по бокам самодельно сделанным кнутом. Васька, встав и поддавшись общему весёлому настроению, начал суматошно бегать по танцевальному залу, пугая стоящих по стенам старух. При этом он визжал, как резаный боров, пытаясь то хрюкать, то кудахтать, то мяукать. Наконец, запыхавшись, остановился в центре зала.

– Молодцы, получилось! Тащите гроб, и пусть готовятся Вий и прочая нечисть к выходу. Вы, милая моя, дорогая Мили, готовьтесь прилечь в гроб, – приказал подпоручик.

– Это обязательно, подпоручик? – уточнила Мили.

– Конечно, милая Мили, это обязательно. Вы так красивы, что гроб вас не испортит! – ответил Ржевский.

– Вопреки я, батюшка, в трёх полушубках, и тяжело мне их таскать на себе. Пахну плохо, можно, хоть один сниму? – заявил кучер Макар, изображающий Вяя.

– Что ты, Макарушка, потерпи, скоро твой выход. Я, когда на балах бываю, тоже потею и пахну изрядно. Вот однажды был я в Туле на одном общественном балу, по билетам для всех желающих и имеющих право по сословию. Стою с одной дамой возле стены зала. Она мне и говорит: «Как жарко, Сергей, может, что-нибудь открыть?». А я ей отвечаю: «Пойдёмте, найдём официанта и попросим открыть шампанское на двоих, сразу полегчает». Потерпи, обещаю, стакан вина налью обязательно! – заявил подпоручик, весело смеясь.

– Надо и нам бал как-нибудь закатить. Вот Пётр приедет, посоветуемся. А что, Макар, закатим великосветский бал на весь Венёв? Дворец у нас есть, денег займём или грибов, ягод собираем. Во потеха будет! Соберём всех старух по округе, пригласим наших узколобых дворян и купцов, насмеёмся от души. Или публичный и благотворительный, в честь сельского дурачка Митрофана, а вырученные деньги пустим ему на покупку гармоники и красной рубахи, – продолжал веселиться Сергей.

– Сергей Семёнович, к вам какой-то господин! – заглянув в окно, сказал один из слуг.

– А, это опять господин Асмайлов пожаловал, собственной персоной, опять денег попросить желает. Ещё прежние не отдал, опять на займы идёт. Хочет упрекнуть меня в судебном иске от немки. Ни совести, ни стыда, причём здесь я? Я же не просил его предлагать руку и сердце немецкой гувернантке. Удивительный пройдоха! Малое дитё – что глупый человек, а глупый человек – что малое дитё! Надо проучить, чтоб было более неповадно заявляться без спроса, – засмеялся подпоручик.

– Всё сделаем! Что прикажете, барин? – уточнил слуга в ожидании очередного веселья и приключения.

– Вот что, Макар, и вы, Федор, Потап и Васька, проучите его. Давайте, облейте его липкой брагой, что на варенье настояна, и пером из подушки обсыпьте. Вот потеха будет, только много не берите, с ведро, не больше. Пётр из Тулы приедет, ворчать станет. Самим нужно, – после этих слов Сергей Семёнович побежал в спальню за подушкой, а мужиков послал в подвал за брагой.

Затем, вернувшись, вместе с мужиками выбежал во двор.

– Что, Сашка, тебе надобно здесь? Сказывал тебе – не приезжай больше, неужели не понял меня? – задал вопрос непрошеному гостю Ржевский.

– Виноваты вы в моих горестях, подпоручик. Желая компенсации за ущерб чести моей и достоинства в денежном выражении! Предлагаю обсудить размеры морального ущерба и сумму помощи, – проговорил Асмайлов.

– Что за глупость, однако! Вот я сейчас проучу тебя, каналья. Макар, Федор, Потап, Васька, хватайте его и держите крепко. Помогайте мне, вашему любимому барину, – с этими словами, подбежав к непрошеному гостю, подпоручик вылил на незадачливого гостя ведро браги.

Помощники держали гостя за руки, мешая сопротивляться этой обидной затее. Затем Ржевский набросал на него перьев из вспоротой подушки. Одежда непрошеного гостя местами намочила от вылитой на нее браги, сверху к ней прилипли перья, создавая вид чудной и забавный.

– Не прошу тебе этой обидной и оскорбительной затеи, Сергей! Жди суда или чего похуже. Отомщу, попомни меня!

С этими словами, под хохот дворни и зрителей в окнах, гость, совершенно не картавя, так как был пьян в стельку, прыгнул в коляску и приказал гнать от этих дураков.

– Всё, спасибо, мужики, за помощь, пойдём дальше репетировать. Отвадили его навсегда, надеюсь. Какой же премерзкий тип, этот Асмайлов! Как репей прицепился, никак не оторвать! – сказал Сергей и направился к дому.

Театральное действие продолжалось далее. Жизнь в усадьбе Ржевских была весёлой и незлобивой. Чем могли, тем и разгоняли скуку. Хоть особых денег и не было, зато развлечений – хоть отбавляй.

Глава 3 Сельцо Прилепы

От города до сельца Прилепы было около семнадцати вёрст. Повернув с мощёного тракта на Богородицк в сторону конезавода, Евграф и Ольга оказались на полевой дороге, разбитой и не просохшей после зимы. Тулин с интересом рассматривал места своего рождения, с удовольствием беседуя с графиней. Разговор проходил на «ты», как между старыми друзьями или близкими людьми.

– Евграф, тебе везёт, опять новое поручение, хорошее дело – услугу Добрынину оказать. Николай Никитич – добрейший человек, достоин помощи, да и Муратов расстарается ради него, сейчас всех на ноги поднимет. Как считаешь, Евграф, кто похитил лошадей? – сказала Ольга, рассматривая окрестности, откинувшись на спинку экипажа.

– Трудно сказать, не посмотрев конюшни и не поговорив со слугами. Возможно, цыгане, а может, ради мести голове или молодецкой забавы похитили. Однако нельзя отменить и коммерческий интерес, для перепродажи, шутка ли – восемьдесят тысяч!

– Да, это действительно сложно, разобраться во всей этой истории, но я в тебя верю. Давно не бывал в этих местах? – уточнила Ольга.

– Не бывал здесь с момента окончания обучения в Александровской военной гимназии, что была в городе. А неделю назад, когда Ерша разыскивали, с вашими драгоценностями через Суходольский приход от полиции уходил на пролётке скуратовского трактирщика. Правда, дело было поздним вечером, даже ночью, сильно гнали, не разбирая дороги, так что мало что и увидел. Ты на меня не сердись за прошлое недоразумение?

– Конечно, не сержусь, но вы меня поразили, когда заявили с Кротовым грабить! Понимаю, что у вас обоих не было другого выхода, поэтому прощаю. Помнишь, как на вас набросилась собака? Так бы и сгрызла. Смотри, в следующий раз Кики порвёт тебя, как Тузик старую грелку. Если будешь несправедлив ко мне, буду жаловаться ей. На мой взгляд, эти сиба-ину очень умны, бесстрашны и преданны, не зря их японцы использовали для охоты на медведей. Берегись! – заразительно засмеялась графиня.

– Согласен! Лучше ей под ноги не попадаться. Этот японский «пучок жёлтой травы» или, по-другому, японский карлик действительно бесстрашен, – ответил Евграф.

– Но оставим это, лучше расскажи, если знаешь, конечно, кому принадлежала эта усадьба ранее. До того, как её приобрёл Николай Никитич Добрынин?

– Знаю, но совсем немного. В прошлом году покопался в московских архивах и кое-что изучил ради интереса. Изначально вся земля в округе принадлежала царской семье Романовых, затем перешла в руки других хозяев. Первыми владельцами усадьбы были дворяне Опочинины, ведущие свой род от русского воеводы XVII века Степана Опочинина. В 1661 году во время войны России с Польшей царь Алексей I Михайлович для поощрения наиболее заслуженных воинов приказал направлять их для исполнения дел по управлению различными городами царства в качестве местных воевод. Возможно, земли были подарены этому воеводе царём за верную службу и военные заслуги.

Затем хозяевами усадьбы и некоторых земель являлись помещики Скаржинские, потом семья Гартунгов. Один из них, генерал-майор Леонид Гартунг, был мужем дочери Александра Сергеевича Пушкина, а вот теперь уже Добрынин Николай Никитич является владельцем.

Но давайте по порядку. Сын этого воеводы, Михаил Степанович Опочинин, служил государству во времена правления Петра I по артиллерийской линии. Дослужился до великих чинов и званий, к концу жизни став действительным тайным советником.² Он имел больше четырехсот крепостных. В его семье родилось трое детей, все сыновья. Впрочем, они не стали

² Гражданский чин II класса табелю о рангах. Соответствовал военному званию полного генерала или адмирала.

такими великими и известными вельможами, как их отец. Один из них, Пётр, стал статским советником палаты уголовного суда в Пензе, говорят, что проиграл свою часть имущества в карты. А вот его сын был женат на дочери фельдмаршала Кутузова, Дарье, и сделал блестящую карьеру. О втором сыне, Дмитрие, мало что известно. Третий сын, Иван Михайлович Опочинин, дослужился до майора по артиллерийской линии. Родившийся в его семье сын Николай продолжил семейное дело, служа по артиллерии, однако недолго. Подпоручик осадной артиллерии Николай Иванович Опочинин умер в двадцать четыре года, оставив вдовой супругу Татьяну Фёдоровну, вот она и владела усадьбой Астебное и многими землями в тульской округе. Была очень богата, ей принадлежало около двенадцати уделов земли только в Тульской губернии и восемь в Орловской, в том числе сельцо Прилепы и пустошь Астебная.

Сама жила в Москве, но в сельце Прилепы и Акулино, что располагается недалеко отсюда, имела по деревянному дому. В Прилепах проживало пятьдесят крепостных мужиков и сорок девять баб. В Акулино – двадцать шесть мужиков и двадцать одна баба. Крестьяне занимались хлебопашеством. В Прилепах на помещицу запахивалось тридцать десятин, в Акулино – восемьдесят пять. Остальные запахивались на себя, для собственных крестьянских нужд. О её богатстве говорит и то, что когда она выдала свою дочь, Екатерину Николаевну, замуж за Петра Петровича Нарышкина, то отписала ей четыреста крепостных. Нарышкин женился во второй раз, так как его жена умерла.

– Екатерина была красива? – с интересом уточнила Ольга.

– Видимо, да. Вы слышали о князе Иване Михайловиче Долгорукове, тайном советнике, писателе, поэте и драматурге? Он был очень увлечён Екатериной Николаевной всю свою жизнь.

– Конечно. Древний княжеский род, служил в гвардии, писал и переводил комедии, у него даже дома был театр на сто мест. С восемнадцати лет начал писать стихи. Все образованные люди читали его мемуары. Я читала его стихи, которые публиковались в сборниках Николая Михайловича Карамзина три раза в год. Так что, она была ещё и умна? Ты так и не сказал, почему ей был увлечён князь Долгоруков, – вновь спросила Ольга.

– Да, она была красива, умна, хитра и женственна. Князь писал мемуары, и у него есть очень занятное сочинение, редко встречаемое у других, он описывал всех людей, с которыми ему приходилось встречаться в своей жизни. Называется оно – «Капище моего сердца». В нём он уделил несколько листов Екатерине Николаевне и её мужу.

– Очень интересно. Наверное, есть какая-то интрижка. Быстро рассказывай, Евграф, не тяни! Жутко люблю интрижки! – засмеялась Ольга.

– Вначале в своём сочинении он даёт описание матери Екатерины, Татьяны Фёдоровны Опочининой, считая её зажиточной и тщеславной женщиной, мечтавшей дать Екатерине Николаевне наилучшее модное образование. Что, впрочем, у неё и получилось. С его слов, девушка хорошо говорила на французском языке, искусно танцевала и удачно играла разные роли в домашнем театре. То есть была полностью подготовлена к выходу в высший свет, общению с равными себе и фамильной знатью империи. При этом Долгоруков с удовольствием отмечает, что у Катерины были особые преимущества: ум, пригожесть, молодость и резвость. Она рано, с пятнадцати лет, выезжала в общество, где он с ней и познакомился. Кроме того, её мать охотно принимала молодёжь из известных фамилий, и князь был частым гостем у Опочининых. Вскорости Долгоруков очень понравился Екатерине, как сам пишет в своих воспоминаниях: «полюбился». Благодаря взаимному влечению стал проводить с младшей Опочининой много времени, участвовал во всех семейных приёмах, посещениях театров и балов. В сочинении князь прямо говорит, что незаметно и сам влюбился в Катеньку самым серьёзным образом. У матери Катерины, Татьяны Фёдоровны, Долгоруков находил полное взаимопонимание, так как она очень хотела видеть дочь княгиней, более того, отец князя не был противником этого не совсем равного союза, потому как богатство Опочининых, а самое главное – очарование Катеньки сметали все условности общественного неравенства.

– Так, так! Что же дальше? – нетерпеливо уточнила графиня, провожая взглядом одиночного всадника, обогнавшего их экипаж в сторону Прилеп.

– Всё получилось не так, как было задумано. Судьба распорядилась иначе. Князь убыл в Санкт-Петербург и некоторое время находился там. В столице влюбился в Евгению Сергеевну Смирнову, выпускницу Смольного института благородных девиц и фрейлину императорского двора. Когда же вернулся в Москву, в отпуск, то был женат и, кроме того, узнал о том, что Катерина помолвлена с Нарышкиным, приятелем князя и сверстником. Однако, согласно запискам Долгорукова, эти ситуации в обеих семьях ничего не изменили, и он продолжал бывать у Опочининых очень часто. Основаниями были старая дружба и хорошее отношение к нему матушки Екатерины. А потом, когда переехал в Москву, старая страсть к Екатерине вспыхнула с новой остротой. Он очень часто приезжал к матери, туда же прибывала Катерина, Нарышкина по мужу, в то время как сам Пётр Нарышкин занимался посещением клубов и мужских собраний. До трёх часов ночи Иван Михайлович засиживался в доме Опочининых, что вскорости вызвало подозрение и ревность со стороны его жены. Сам он пишет, что настолько был влюблён в прошлую любовь юности, что готов был ко всему, только лишь бы увидеть или услышать Екатерину Николаевну. Но супруга князя, кстати, он о ней очень уважительно отзывается, убедила его, пользуясь поддержкой отца, поступить вновь на государственную службу. Он был направлен вице-губернатором в Пензу. Уехав из Москвы, он не забыл Екатерину. Не зря жена, с которой он прожил семнадцать лет, ревновала его всю жизнь только к Нарышкиной. Как сам он писал, говоря о ней: *«что из всех женщин, которые сердце мое пленяли, ни одна так соблазнительно не очаровывала меня, как Опочинина, ни в одну я до такого безумия не влюблялся»*. Он исключительно раболепно повиновался Екатерине, ожидая приглашения к ней в то время, когда она могла его принять.

– Да, очень интересно, – с сожалением сказала Ольга. – Такая загадочная и необычная любовь. Интересно, были ли они счастливы? А что же князь пишет о самом Нарышкине, он что, не замечал их отношений?

– О нём он пишет немного и ничего плохого. Считал его своим приятелем, осуждал его за пьянство и потерю имения и доходов вследствие своего развратного поведения. Они вместе служили в гвардии и имели возможность часто быть при дворе императора. Оба жили в Москве, были одногодками по рождению, с одной только разницей: Нарышкин был моложе Долгорукова на один месяц. В своих записках князь отмечает, что, несмотря на любовь к Екатерине Опочининой-Нарышкиной, он на протяжении всей жизни оставался другом семьи. Лишившись своего состояния, Пётр Петрович жил в доме своей тёщи, существуя на своё небольшое жалование и её деньги. Опомнившись, Нарышкин перестал пить и предаваться развлечениям, но было уже поздно, высокое общество не принимало его, а из старых друзей остался только Долгоруков. В общем, они оставались друзьями до конца своей жизни. Катерина Николаевна умерла в 1852 году, прожив восемьдесят шесть лет и дав жизнь пятерым детям.

– Да, интересная история, возможно, они часто здесь бывали, приезжали для отдыха или по коммерческим делам. Мы уже подъезжаем, Евграф. Остальное об усадьбе расскажешь на обратном пути. Договорились? – уточнила Ольга.

– Как скажешь. Как будет угодно графине! – покорно сказал Евграф и улыбнулся.

Чуть больше полутора часов в разговорах прошли незаметно. Впереди появились Прилепы. Сельцо располагалось на горе, с которой открывался красивый вид на окрестности с холмами и полями. С одной стороны оно было окружено красивыми яблоневыми садами, а с другой – хвойными деревьями. Издалека была видна красивая роща из лип, клёнов и берёз. С правой стороны, при въезде, раньше стоял небольшой дом обедневших дворян Тулиных, сейчас там ничего, кроме пустыря, не было. Дом, наверное, сторел, когда Евграф был на турецкой войне. Впрочем, он уже и не принадлежал ему. Смотря на пустырь, Тулин невольно вер-

нулся в прошлое. Вся его жизнь пролетела перед глазами. Родился он в старинной дворянской семье. Отца практически не помнил. Будучи на военной службе, отец погиб в одной из многочисленных турецких войн Российской империи. Семья значительно обнищала, то и оставалось, что дворянское положение, которое не давало ни денег, ни особых привилегий, да небольшой дом вблизи усадьбы Астебное Тульской губернии. Дом в дальнейшем опекун продал за долги, даже не спросив мнения Евграфа. Матушка, женщина строгих правил, замуж больше не вышла, несмотря на предложения поклонников. Когда Евграфу было десять лет, она скончалась. Тулин учился в двух военных гимназиях, а потом в 1872 году окончил Александровское пехотное училище, проучившись в нём два полных года. По окончании училища был выпущен по первому разряду с присвоением звания подпоручик. Направлен в действующую армию, в Крымский 73-й пехотный Его Императорского Высочества Великого Князя Александра Михайловича полк. Через четыре года ему было присвоено звание поручик. В 1876 году запахло войной. В апреле Крымский 73-й пехотный полк перешёл границу Османской империи в составе Эриванского отряда и принял участие в войне на территории Турции. После окончания войны по собственному желанию Тулин перешёл в московскую полицию, затем в сыскную часть в период её создания в 1881 году.

– Что с тобой, Евграф, почему молчишь? Воспоминания? – спросила Ольга, тормоша его.

– Да, что-то нахлынуло на минуту. Не обращай внимания, всё в прошлом. Нам нужно жить настоящим и будущим, – улыбнувшись, ответил Тулин, взяв нежную ручку графини в свою.

Миновав въезд в сельцо, направились к барскому дому-усадьбе, располагавшемуся в некоторой низине. Сыщик лишь смутно помнил обустройство и расположение сельца, прошло уже восемнадцать лет, как он здесь не бывал. Да и его уже, наверное, никто не помнил. Дорога к усадьбе Астебное пролегла между садами, аккуратно спускаясь вниз, утопая в зелени. Возле одноэтажного, под железной крышей, барского дома стоял бородастый и хорошо одетый мужик, видимо, управляющий усадьбой и конезаводом.

Глава 4 Допросы жителей Прилеп

Как только они подъехали к усадьбе, Евграф Михайлович вышел из экипажа и помог сойти графине. Управляющий встал как вкопанный, увидев очаровательную городскую даму, не понимая, кто приехал и зачем. Скорее всего, его предупредили, что приедет полиция для совершения дознания по розыску коней, а прибыла красивая молодая пара. Да и посмотреть было на что, Тулин и сам залюбовался прекрасной спутницей.

Графине Ольге Владимировне Бобринской-Брежнёвой шёл двадцать первый год. Она была стройна, приятно сложена, чуть ниже Евграфа ростом. Прекрасные чёрные волосы спиралями окаймляли очень нежное и светлое лицо, а на милой головке была надета изящная дорожная шляпка с небольшой вуалью. Внешний вид изумительно дополняла красивая весенняя шубка на беличьем меху. Очарование усиливали пухлые губы и синие озорные глаза. Поздоровавшись с встречающим их управляющим, сыщик внимательно его осмотрел. Управляющий был одного с ним роста, крепок в теле, одет в короткий полшубок по сезону и хорошие сапоги. Глубоко посаженные, хитрые глаза внимательно сверлили лицо Евграфа.

Чтобы растормошить управляющего и приступить к работе, сыщик предъявил ему служебный документ. В нем было написано: *«Департамент государственной полиции. Сыскная часть. Тулин Евграф Михайлович. Титулярный советник сыскной части Московской полиции. Именем Его Императорского Величества обладает полномочиями: Арестовывать. Допрашивать. Конвоировать. Всем государственным служащим и гражданам империи оказывать сему лицу всякое содействие».*

Внизу стояли гербовая печать и подпись московского обер-полицмейстера, генерала Е. О. Янковского.

– Добро пожаловать, ваше благородие, к нам в усадьбу. И вам, барыня, наше уважение. Я местный управляющий усадьбой, конюшнями и конезаводом, Михаил Иванович Ломакин. Ждём вас, час назад гонец прискакал от господина Добрынина. Сказывал, что Николай Никитич полицию послал для учинения сыска, прошу в дом, прохладно ещё на улице, там всё, что нужно, расскажу и кого нужно вызову. Здесь два флигеля, один я занимаю как управляющий, так как проживаю здесь, в сельце, временно, на срок, связанный с моими полномочиями по управлению усадьбой и конезаводом. Постоянное место моего жительства в городе, имею в Туле собственный дом. Второй флигель для гостей, вот его я для вас и подготовил, в нём вы можете все свои допросы и проводить. Остальные комнаты барина, Добрынина Николая Никитича. Открывать не велено, вы уж простите. Самовар готов, сейчас внесут, варенье и мёд прилепский на столе, – невозмутимо сказал управляющий, приглашая пройти в барскую усадьбу. При этом небрежно и независимо вернул документ, даже не читая его. В управляющем наблюдались уверенность в себе, чувство собственного достоинства и некая гордость за свою должность.

– Михаил Иванович, что, не найдены ещё кони и канцелярский с ночным конюхом? – уточнил сыщик.

– Нет, ваше благородие, не найдены. Все, кто свободны, направлены на поиск и коней, и людей. Всё, что можно, должны обыскать. Сам я округу хорошо знаю, лично приказы отдавал. Если ничего не обнаружат, то только по темноте вернуться, а с утра снова на поиск, такой от меня указ им даден. Срамно в глаза голове нашему смотреть. Николай Никитич небось места себе не находит, переживает. Сказывал, завтра здесь поутру будет, сегодня не может, сердце захватило. Нам, конечно, неприятно за такую неудачу, – ответил управляющий.

Вошли во флигель, расположились. Оставив графиню за чаем, Тулин пошёл осматривать конюшни и манеж конезавода вместе с управляющим. По пути к постройкам состоялся разговор.

– А что, Михаил Иванович, сами-то как думаете, кто мог коней украсть? Кто на такую смелость дерзнул?

– Думаю я, ваше благородие, вот что. Не местные это, даже и не тульские. Кто посмеет с Добрыниным ссориться? Без малого уже сорок лет Тулой правит, всех в кулаке держит. И подумать не могли, что кто-то супротив него пойти может. Цыган нет в округе, пришлых мы в сельце сразу заметим, чужие люди в глаза сразу бросаются. Та же Марфа-травница враз сообщает. Есть у нас такая баба, балаболка. Ох, и дура баба, но польза есть, всё про всех знает, все сплетни, как сорока на хвосте, носит, газет не нужно. Если кто сдуру попоказничать решил по-модному, как у дворян в последнее время завелось, то это не тот случай. Эти кони производители, деньжищ за них отвалено немерено, за такое Николай Никитич и каторгу устроит с этапом в один миг. Нет, не местные людишки. Пришлые это! В этом я уверен. Разберётесь, я думаю, вам не впервой. Интересно, как вы с Москвы за несколько часов добрались до Тулы? Понимаю, что этот розыск пропавших коней не совсем по вашей части. Вы же с сыскной полиции, а это задача для обычной. Или Николай Никитич, пользуясь своими обширными связями, устроил ваш приезд, не веря местным? – уточнил управляющий, внимательно наблюдая за сыщиком.

– Нет, Михаил Иванович, я не прискакал из Москвы. Скорее всего, не успел ускакать в белокаменную. Находился здесь по делам службы, вот и получил новую задачу. Причём хочу вам сообщить, что это дело держит на контроле сам начальник жандармского управления, генерал Муратов, – ответил Тулин, так же внимательно наблюдая за реакцией управляющего.

– Муратов – человек уважаемый, его босяцкий, воровской мир боится. А барышня тоже из полиции? – невозмутимо спросил Михаил Иванович.

– Нет, графиня – старая знакомая Николая Никитича. Никогда не была в вашем сельце. Пользуясь этим случаем, хоть и неприятным, попросила меня показать ей эту местность, – чувствуя себя несколько неудобно, оправдался сыщик.

– Окажу всяческую помощь. Спрашивайте, буду докладывать. Учиняйте допрос! – уверенно ответил Михаил Иванович.

– Что вы, не допрос, просто беседа. Расскажите о служащих и работниках. Прошу подробно о каждом, кто связан с конезаводом. Начнем с пропавшего кучера Васьки, чем знаменит, как живёт? – уточнил Евграф.

– Кучер Васька? Да обычный мужик, наш, местный, с сельца Кишкино, что располагается недалече. Назначен был служить постоянно при жеребце Антонии и кобылках, Эсмеральде и Крали. В этот день дежурил в ночную. Где он сейчас, никто ответить не может. Дома тоже отсутствует, избу проверили, я посылал. Живёт один, бобылём, поэтому спросить о нём больше некого. Непьющий, положительный работник, работу свою и коней любит. Плохого не скажу, напраслину зачем наводить на человека. В нарушениях ранее не замечался.

– Хорошо, а следующий пропавший, Майлов? Канцелярский этот, служащий, что за человек? Давно у вас? Чем он характеризуется? – опять уточнил Тулин по следующему разыскиваемому лицу.

– Александр Майлов из городских мещан, ведёт все конторские книги, приход-уход денежных средств и заведует учётами кормов и конского снаряжения. На службу был взят три недели назад главной канцелярией Добрынина, занимающейся всей коммерцией головы в губернии. Он к ней и был приписан. Полагалось ему работать через день, так как был взят не на полную неделю. Но в этот день на месте службы присутствовал, проводя сверки и выдачу имущества. Ночевать собирался в Прилепах, я ему разрешил спать в гостевом флигеле, так как на следующий день Майлов должен был ехать в Тулу для отчёта в главной канцелярии за отпущенные и потраченные деньги на развитие конезавода. Старший конюх с ним разговаривал уже поздно ночью, когда тот прогуливался возле барского дома. Но утром его никто не видел, а из Прилеп в ночь не выезжал, по крайней мере, никого в известность не ставил

и извозчика не нанимал. Своих коней и экипажа не имеет. Постель не стелил, присутствия его ночью во флигеле не было замечено. А так дрянь, а не человечиска, неопрятный, замечен в питии. Но не я его на службу брал, не с меня и спрос. Кто взял, тот за него и в ответе. Разорился он, когда-то деньги промотал по гуляньям и ресторациям. Хоть у кого спросите, хоть у Марфы-травницы, то же самое скажут. Не прижился у нас в сельце этот человечиска, здесь все работающие, пьянь не любят.

– Сами-то кого опрашивали ещё, Михаил Иванович? Может, кто и что видел ночью? – задумчиво уточнил Евграф.

– Местных, прилепских, всех опросил, ничего не видели. Если коней угоняли, то конокрады могли сюда и не заезжать. Немного стороной уйти, дорога позволяет. Надо бы в сельцо Лутовиново съездить, там на окраине, с прилепской стороны, домик стоит невзрачный. В нем дед Егор-корчмушник проживает, он гонит самогон на продажу. К нему многие захаживают, со всех окрестных деревень, если его крутануть, то все сплетни узнать можно. Сам не успел, некогда мне было.

– Я сам заеду, порасспрошу на обратном пути, не утруждайтесь!

– Только просьба одна, ваше благородие, не говорите никому, тем более в полиции, что он бражной коммерцией промышляет. Посадят в общую тюрьму на несколько месяцев, а мужик он неплохой, бывший солдат. Я же вижу, что вы не из нашей, не из тульской полиции. Вам всё равно, а мы здесь в Суходольском приходе всё про всех знаем, друг друга не обижаем.

– Все ли табунщики честно служат? Нет ли нового кого? Кто увольнялся за последний год? Они же всегда при лошадях, все ваши порядки хорошо знают. Может, кто из них ради мести злодейство совершил? – продолжил опрос сыщик.

– Табунщики все старые, уже больше двух лет работают, все проверенные и местные жители, с Суходольского прихода. Ни одного нового нет. К ним подозрения отсутствуют. Полгода назад только один уволился, Прохор Александров, но ни в чём плохом замешан не был. Решил счастье попытать на заводах под Москвой, вот и ушёл. Жалко было, хороший наездник, – ответил управляющий.

– Что про остальных скажете? Что за люди проживают? Кто знал про таких особых и дорогих коней? Может, подозреваете кого? – уточнил сыщик.

– Подозревать, кроме Майлова, больше некого, да и его особо подозревать нельзя. Такая пьянь и бездарность, как он, на подобные поступки вряд ли способна. Остальной народ всем известный, каждый на виду у другого. Это же не город. У нас здесь всего сто дворов, каждый друг про друга всё знает и каждого коня по имени величает, за счёт них и живут. Люди живут ради коней, и кони для людей. В Прилепах так! Про коней все знали. Только ещё раз прошу, не выдавайте лутовиновского мужичка. А то весь авторитет в приходе потеряю, – засмеялся Михаил Иванович.

Тулин, пообещав выполнить просьбу управляющего, внимательно изучил, где содержались похищенные кони. Конюшня для благородных лошадей была бревенчатой и новой, находилась в стороне от остальных построек. Возле неё было чисто и ухожено, было видно, что хозяин, Добрынин, на содержании своих любимцев не экономил. В остальном всё как во всех конюшнях, ничего необычного. Однако, обойдя постройку со всех сторон, Евграф заметил возле одного из рубленых углов строения необычный блестящий предмет, который валялся в молодой, только что проросшей траве. Сыщик нагнулся, поднял его и поднёс к глазам. Это была маленькая женская серебряная и недорогая брошь-эгретка в форме шпаги, поражающей змею. Видимо, была утеряна какой-то женщиной совсем недавно. Такие украшения носили молодые модницы из светского общества, хотя могли использовать и мещанки или дамы купеческого круга. Но только не крестьянки сельца Прилепы.

– Михаил Иванович, посмотрите вот эту занятную вещицу, уверен, что в вашем сельце подобные вещи никто не носит. Не могли бы вы сказать, откуда это украшение возле конюшни.

Может быть, кто-то из более серьёзного общества был у вас недавно в гостях. Осматривал хозяйство, коней? – задал вопрос Тулин, передавая управляющему найденное украшение.

– Нет, никого здесь не было, тем более дам. Да и не можем мы гостей принимать без разрешения Николая Никитича. Вещица занятая, но вижу в первый раз, – ответил Михаил Иванович, явно нервничая.

– Ну что же, хорошо, разберёмся. Давайте продолжим осмотр, – ответил сыщик, забрав украшение и спрятав его в карман.

При этом он внимательно наблюдал за управляющим – было заметно, что тот переживает и волнуется. На некогда уверенном лице появилась гримаса беспокойства, глаза забегали, руки начали непроизвольное движение. Управляющий потирал ими друг о друга, сжимал и разжимал кулаки. Поняв, что движения рук выдают его нервное состояние, Михаил Иванович спрятал их за спину и несколько успокоился. Евграф приступил к осмотру местности. Обойдя конюшню, сыщик попытался определить следы злоумышленников, но местность вокруг конюшни уже вся была вытоптана, и осмотр ничего более не дал. Закончив свои действия и больше ничего для себя не определив, Тулин с Михаилом Ивановичем вернулся к усадьбе. Отсутствовал он недолго, чуть более часа. По дороге он ещё раз узнал от Михаила Ивановича, как всё произошло, и уточнил небольшие детали по содержанию конюшен и барского дома. Попросил собрать местных, кто работает на конезаводе, для опроса. Войдя внутрь барской усадьбы, застал Ольгу Владимировну весело разговаривающей с женщиной, по-видимому, экономкой или служанкой по дому. Сидя за столом во флигеле, они пили чай с вареньем. Евграфа уже давно перестали поражать либеральные взгляды Ольги и полное отсутствие снобизма. Поэтому он не удивился этой доброжелательной картине беседы графини и крестьянки из Прилеп. В дальнейшем оказалось, что эта крестьянка является местной достопримечательностью, известной своим норовом и поведением в сельском обществе Марфой-травницей. Как только они с управляющим вошли в дом, женщина заторопилась уходить, внимательно оглядев вошедших.

– Побежала я, барыня, вы уже заняты, видимо. Если что, то вызывайте, расскажу всё, что знаю. А если травки какой, то посылайте ко мне, у нас здесь в деревне лучшие травы Тульской губернии. Сама заготавливаю, от всех хворей и болезней вылечат. Меня все здесь знают, спросите Марфу-травницу. Да и за усадьбой я слежу, уборкой и порядком занимаюсь, баре редко бывают, только летом на отдых, – проговорила женщина и под неодобрительный взгляд управляющего быстро вышла.

– Ты уже здесь, Марфа? Кто тебя просил без разрешения в барский дом входить? Не тебе же приказано за гостями ухаживать! Иди и не мешайся под ногами, – крикнул вслед управляющий.

– Зачем вы так строго, Михаил Иванович, право, неудобно обижать добрую женщину! – мило улыбаясь, сказала Ольга Владимировна.

– Не верьте вы ей, барыня. Собака умнее её, на хозяина лаять не будет. Опять на меня, небось, жаловалась? Убирается плохо, болтает по деревне незнамо что, вот и ругаю, требую. Хоть у кого из местных жителей узнайте, например, у местного батюшки, что за пустая баба. Бесы и анчутки у неё в лучших друзьях и товарках. Брешет так, что ни одна собака не сможет её перелаять. Вот ведь узнала, что вы, барыня, из города приехали, и сразу к вам. Как успеваешь, ведь на другой стороне сельца живёт, – удручённо ответил Михаил Иванович.

– Совсем нет, вы не правы. Ничего не говорила плохого, тем более про вас. Славная женщина. Рассказывала про местную жизнь, – улыбнувшись, ответила графиня.

– Пригласите, будьте добры, всех, кто не занят поиском коней, для опроса. Как соберёте перед входом местных жителей, позовите меня, – поставил задачу сыщик перед управляющим, желая остаться один с графиней и думая, что же делать дальше.

– Что выяснил, Евграф? – спросила Ольга, наливая ему остывший чай.

– Нового ничего не узнал. Конюшни как конюшни. Все на розыске лошадей по округе мотаются. Надо узнать поподробнее об этом управляющем, откуда он и чем известен? Кстати, о чём ты беседовала?

– Эта женщина очень болтлива, хотя и мила. Она рассказала мне, что у них в селе начали происходить странные вещи. За конюшнями протекает река Упа. Затем она, делая поворот, проходит через город и впадает в Оку. Так вот, там имеются обрывистые склоны и дубовые рощи. Местные жители зимой и ранней весной особо эти места не посещают, а летом ходят по грибы и ягоды, собирают травы, рыбачат. А эта крестьянка туда часто и по весне ходит для сбора какой-то травы, начинающей расти, только снег сойдёт. Меньше недели назад на реке по ночам начали слышаться странные звуки, и появились блуждающие огни. Когда снег ещё лежал, Марфа-травница туда сходить не рискнула. Но как только растаяло, взяла с собой местную бабу и направилась, никому не говоря, посмотреть. Любопытство замучило. Пришли они к дубовой роще, что возле реки Упы, и чуть не умерли от страха: огромные волчьи следы вокруг, кровь на земле и остатки костей животных. На ветвях висят корзинки с какими-то остатками пищи, и кружит вороньё. Испугались они и бросились бежать, еле до дома добрались. Бросились они к батюшке местной церкви, тот их выслушал, потом перекрестил и посоветовал в Бога верить и глупостями не заниматься. Рекомендовал почаще церковь посещать. Так вот, она совершенно искренне считает, что в дубовой роще, что на берегу Упы, живут волколаки. Майлов, канцелярский служащий при конезаводе, именно и есть главный волколак, он и съел конюха Ваську, а потом и коней, так как у него волосы на голове очень грубые, похожие на волчьи, как бывает у этих зверей. Ещё она сказала, что прошлая помещица имела хорошую компаньонку, живущую с ней, которая могла ворожить и управлять этими необычными животными. Ты в это веришь, Евграф? Всю эту чушь я слушала около часа, – засмеялась графиня.

– Волколак, согласно славянским народным преданиям, колдун-оборотень, путём заклинаний, всяких прыжков и кувырков превращающийся в крупного волка. Согласно верованиям крестьян, чаще всего это происходит по весне и осени. В этого зверя можно превратить любого человека, если набросить на него волчью шкуру и знать соответствующие заклинания. Да много чего придумывают на эту тему неграмотные крестьяне. Вот чудеса! Даже подумать бы не смог, что в наш век и рядом с губернским городом подобные сказки ещё живут в умах сельских людей, – ответил сыщик.

– По-моему, я просто незаменима для тебя, видишь, сколько нового узнала? Без меня твой розыск зайдёт в тупик, и тебя бесславно изгонят из Тулы! Что дальше делать будем? – смеясь, уточнила графиня.

– Сейчас опрошу местных людей, затем всё-таки надо бы проверить сказки и байки этой Марфы. Есть у меня мысли на этот счёт. Возьму её и съездим к дубовой роще, на берег Упы. Затем, если ничего не узнаем нового, то заедем по пути в Тулу к местному священнику. По дороге заскочим в Лутовиново, там проживает одна интересная личность, которая, возможно, обладает информацией. Надо торопиться, уже перевалило за полдень. Нужно как можно больше собрать сплетен и разговоров, может, что и прояснится, – ответил Евграф, допивая чай.

– Я с тобой, очень хочется посмотреть на волколаков, – засмеялась Ольга.

Опросив собранных жителей, которые трудились на конезаводе, сыщик ничего нового не узнал. Информация обращалась по кругу. Напрямую спросил у управляющего о его личности. С его слов выяснил, что Михаил Иванович у Добрынина работает уже с десяток лет. Человек ему известный и поставленный на конезавод для наблюдения за порядком и поддержания хозяйства. Главным специалистом по коням был старший конюх, который, впрочем, тоже ничего вразумительного не рассказал. Только то, что ранее было известно Евграфу. Пока приходилось верить на слово, так как на конезаводе личных дел не было, не в пример оружейному Императорскому заводу. Узнать о каждом человеке было возможно только в полицей-

ском или жандармском управлении, и то не про всех, так как на государственной службе конюхи и управляющие не состояли. Поэтому дела до них государству не было, если только не причинят какой-либо ущерб частной собственности или личности, нарушив общественный порядок, или не войдут в общество сектантов или революционеров.

Евграф вновь уточнил про Марфу, очень его заинтересовавшую. Он так и не мог понять, глупа она или, наоборот, весьма умна и хитра. По поводу этой женщины управляющий пояснил, что баба взбалмошная и чудная, постоянно придумывает всякие сказки и страшные истории-небылицы, чтобы поддерживать интерес и уважение к своей деятельности, так как занимается знахарством на травах от сглаза и чёрных заговоров. Травы в Туле продаёт, в покупателях, в основном, жёны купцов и зажиточных мещан. У местных жителей пользуется дурной славой ведуньи и чернокнижницы. Веры языку её без костей нет ни на копейку. Где просто баба, там тульский базар, а где Марфа-травница – там московская торговая площадь.

Закончив с опросом и пригласив графиню, которой явно нравилось необычное приключение, сыщик приказал на двух экипажах следовать к дубовой роще, что находилась недалеко, за конюшнями. В одном экипаже, в том самом, что выделил голова города, следовали Евграф и графиня. В другом – Михаил Иванович и Марфа-травница, которая, во время поездки, активно размахивала руками и видимо скандалила с управляющим.

Евграф знал таких крестьянок, они были в каждой деревне. Могли до бесконечности рассказывать местные сказки и причуды, знали повадки и названия всей нечисти в округе. Особо им нравилось поражать воображение городских слушателей всякими водяными, банными или болотными анчутками, проживающими в лесу, которые, по народным преданиям, представляли собой маленьких чертят с лысыми головёнками и длинными руками. Или существами из той же породы малых чертей, называемыми хухликами и шиликунами, известными чудаками и весельчаками, охотившимися за бражниками и пьяницами.

– Ольга, а ты знаешь про шиликунов? – улыбнувшись, спросил Евграф, следуя с ней в экипаже.

– Нет, а кто это ещё? Что за необычность такая? Я здесь много чего удивительного от Марфы-травницы узнала. Не сельская крестьянка, а старая волшебница! Не сельцо, а какой-то сказочный мир. Осталось только Чеширского кота, Мартовского зайца и Белого кролика увидеть. Тогда я буду точь-в-точь как Алиса в Стране чудес, – весело заявила графиня.

– Очень плохо, что наша знакомая Марфа этого не рассказала, скорее всего, они тоже здесь живут. Это такие необычные жители сельских сказок, которые уж очень пьяных любят. Как увидят, что человек пьяного мёда или браги наглотался через меры, так тотчас в чёрную кошку превращаются и под ноги кидаются. Пока пьянчуга не упадёт и лоб не разобьёт, шиликунчик не успокоится. Особо понравившихся с собой в болото или прорубь обязательно утащит. Или с горячей сковородой любят бегать и огненные угли к пьяным в дом подбрасывать, отчего избы и загораются. Как вам эти весёлые друзья людей? Вообще, бывает чаще, когда черти пьяным помогают. Они пьяных очень уважают, по народным поверьям, и не оставляют в беде.

– Почему? Они же людям должны всякие гадости создавать? – уточнила удивлённая графиня.

– Наверное, потому, что на пьянство они сами их наталкивают. По народным поверьям, именно черти наводят на людей болезнь под названием «хмелевик», а потом ими и забавляются. Всякие шутки с ними шутят. Им, чертям, пьяный человек очень близок, его на грех направить можно, драки, убийства, воровство и всякое другое. Если здесь волколаки живут, то и те тоже где-то поблизости обитают. Нечисть – она по отдельности не живёт, вся рядышком, компанией-то лучше чёрные дела творить.

– Да ну тебя, Евграф, ты же, надеюсь, не веришь в то, что рассказала Марфа, и поэтому шутишь! Хотя вдруг в этом что-то есть? – хитро уточнила Ольга.

– Верю, поэтому и еду. Только верю, естественно, не в присутствие волколаков и чертей, а в коварный умысел чьей-то злой воли. Всё здесь, в сельце, больно запутано.

Глава 5 Гвардейская пуговица

Подъехав к роще, все вышли из экипажей. Куда ни посмотреть, всюду были яблоневые сады или заросли крыжовника. Воздух свеж и наполнен весенним ароматом земли и растений. Они находились над обрывом у реки, с которого было видно версты три-четыре вперёд, снега не было, земля уже подсохла полностью. К Евграфу и графине подбежала взъерошенная Марфа.

– Вот здесь, барин, недалече я всё и видела. Следы волколаков и кровь жертв безвинных, от них пострадавших. Пойдёмте в рощу, там всё покажу, только вы, барин, револьвер свой достаньте, мало ли чего может случиться, с револьвером оно поспокойнее будет. А пули у вас обычные или серебряные? Нечисть только серебряными погубить возможно!

– Пройдёмте, Марфа. Показывайте, где ваши сказочные существа обитают? – ответил сыщик, смотря на неё с нескрываемой улыбкой.

Вместе с крестьянкой вошли в рощу, несколько сзади следовали графиня и управляющий. Через несколько метров Евграф подошёл к указанному месту. Возле большого кряжистого дуба заметил огромный камень, неизвестно как сюда попавший, и на нём действительно была кровь. Рядом на ветках деревьев висело несколько небрежно изготовленных корзиночек из подручной травы с остатками пищи. Вокруг камня были видны чётко отпечатанные следы крупного зверя, похожие на волчьи., но следы были не парные, как от четырёхногого зверя, а по два следа, как у двуногого.

– Вот видишь, барин, не шутила и не обманывала, я вообще всегда правду говорю. Что увижу, то и рассказываю людям. Священник мне не поверил, а управляющему нашему бесполезно что-то говорить. То на смех поднимет, то отmaterит, если не в тот момент под руку подвернёшься. Вот следы перед вами, точь-в-точь, как у волколака. Наш, канцелярский, Алёсашка Майлов и есть этот волколак, он конюха Ваську и съел. Я часто замечала, что пахнет он жиром, то ли гусиным, то ли бараньим. И волосы у него жёсткие, как у волка. Он и есть волколак-чародей.

– Уймись, баба, не гневи Бога, откуда здесь волколаки, волков-то всех уже отвадили, одни лисы остались. Курей таскают в округе. Ох, и Марфа, никак ты не остынешь. Баба да бес, один у них вес. Посмотрите, ваше благородие, ход следа явно людской, как охотник вам говорю. Кто-то надевал специальную обувь со следами, похожими на волчьи, и ходил вокруг камня и на выходе из рощи. Шутят люди, только неизвестно – кто?

– Если не волколаки, тогда волколысы, всё одно, нечистой силой здесь пахнет, стоять на этом буду, – не унималась Марфа, посмотрев на весёлую и довольную от приключения Ольгу.

– Вы хоть, барыня, меня поддержите. Что от этого мужика взять, мелет сам чего не знает. Кроме коней своих, ни в чём не разбирается, ни в бабах, ни в нечистой силе. Только одно знает, как про нас обидные словечки всякие и поговорки прилюдно говорить. Сам бобылём живет, поэтому и мозгов уже не осталось. Скоро улыбаться не сможет и жизни радоваться перестанет, – шумливо и быстро проговорила женщина.

Евграфу давно уже начало казаться, что эта Марфа-травница ухлёстывает за управляющим, поэтому и применяет все свои чары для покорения мужика вплоть до откровенных упрёков в безразличии к себе. Сама она была одного возраста с Михаилом Ивановичем, лет пятидесяти, может, самую малость побольше, по деревенским меркам – ещё достаточно красивая и крепкая баба ширококостного телосложения, с весёлым и раскрасневшимся приятным лицом, длинными чёрными волосами, спрятанными под платок.

«Но следы она не придумала ради Михаила Ивановича. Кровь на камне не сама разлила, кто это сделал и для каких-то целей? Речь её, конечно, деревенская, иногда неграмотная.

Но кажется иной раз, что она это делает специально. Только зачем, непонятно, ведь не так глупа, как хочет казаться», – подумал сыщик.

Прилепская красавица не унималась, не давая опомниться уныло и хмуро стоящему возле Евграфа, рассматривающего следы причудливых зверей, управляющему. Возможно, пользуясь молчаливостью Тулина и поддержкой Ольги, которая весело смеялась в ответ на каждое выступление Марфы.

– Что, Михаил Иванович, упустил конезавод? Кошка да баба всегда в избе, а мужик-то должен быть во дворе, надо смотреть за хозяйством. Вот Николай Никитич Добрынин тебе головёнку и отшибёт и бородку выщиплет. Не соображаешь ничего про волколаков, так, может, про домовых тебе рассказать? Ты хоть когда-нибудь домового видел? Хотя откуда тебе. От бобыля и домовой уйдёт, что с тебя взять, мужика? Что бабе показать стыдно, то мужику смех, – не унималась Марфа.

– Успокойся, Марфа, дай его благородию разобраться во всех делах. Что тебе под хвост попало, всё неймётся! – устало сказал побеждённый управляющий.

– Михаил Иванович, молчу, молчу! Не буду более мешать ни его благородию, господину сыщику, ни вам, человеку бывалому и на нашем конезаводе властью оделённому, – хитро сказала крестьянка, посматривая на него с некоей любовью и весельем.

Тулин внимательно осмотрел место с остатками пищи и кровью, после этого направился к обрыву, пригласив с собой Михаила Ивановича. Спустился, держась за деревья, вниз и пошёл по тропинке, ведущей вдоль обрыва. Через некоторое время его взгляд упёрся в достаточно широкий лаз, уходящий в землю, под обрыв. Лаз был занавешен каким-то холщовым плотным тряпьем, грязным и бесцветным. Сыщик достал пистолет и сдернул холщовую ткань от входа.

Взгляду представилась небольшая пещерка-нора, человек на двух-трёх, с ровным полом, тремя лежанками из сена и лапника и каменным очагом посередине. На лежанках лежали двое связанных человек с мешками на головах. Услышав шум от сдернутой ткани, они начали шевелиться и мычать, видимо, во рту у них были кляпы. Тулин подал знак управляющему, тот залез, скрючившись в половину своего роста, в земляную нору и достал оттуда волоком первого человека. Вытащив, снял с головы мешок и выдернул грязный кляп изо рта.

Взорам сыщика и управляющего предстал господин с жёсткими коротко подстриженными волосами на голове, с надменным лицом, невообразимо дурно пахнувший, видимо, от собственных испражнений. Это был Александр Майлов. Как только ему вытащили кляп, господин начал злобно орать, при этом внимательно осматривая своих спасителей.

– Я, господа, никому не позволю издеваться надо мной. Буду жаловаться губехнатоху, полицмейстеху и начальнику жандахмского упхавления. Подобное отношение ко мне недопустимо! Хиски, котохым я подвехгаюсь, не соответствуют денежному содехжанию. Тхебую компенсации и пхошу запомнить моё ненадлежащее состояние, гханичащее с хиском для жизни. Тхебую немедля напхавить меня к голове, Добхынину, для выяснения всех вопхосов. Иначе суд, господа!

Майлов страшно картавил, и, видимо, этот недостаток речи в большей степени проявлялся именно тогда, когда он нервничал. Пока он орал, управляющий достал из пещеры-норы второго, видимо, конюха Ваську, поступив с ним аналогично. Васька не орал, а только разминал затёкшие суставы ног и рук, виновато поглядывая на Михаила Ивановича. Тулин пролез в пещеру сам, осмотрелся и обнаружил предмет, который валялся на песчаном полу. Это была старая, выцветшая желтоватая пуговица из металла от военной одежды гвардейского чина императорской армии. Именно гвардейского, так как у артиллерийских, инженерных, гренадерских и кавалерийских пуговицы были другого цвета – из беловатого металла. Найденный предмет Евграф положил к себе в карман. В сопровождении управляющего, конюха и крикливо скандалящего Майлова он поднялся наверх. Как только канцелярский увидел графиню и Марфу, то немедля успокоился, видимо, пристыжённый своим положением.

Зато начала кричать Марфа-травница, скороговоркой произнося слова: «Говорила я, что здесь что-то не так. Говорила! И вот оказалась моя правда. Пусть нет здесь волколаков, но ни в чём не повинные люди страдали в темнице. Кто-то же их туда упрятал? Кто-то же это незаконно сочинил? Надо, господин сыщик, разобраться. А то страшно жить здесь становится. Кровь чья-то? Еда для кого-то? И вот тебе на – узники!».

– Успокойтесь, Марфа, Евграф Михайлович обязательно разберётся и найдёт злоумышленников, – ответила графиня.

– Я ещё знаю одну тайну! У сельца Фалдино, что от нас недалеко, берендей поселился. Там, где он жить захочет, страсти всякие происходят. Может и земля под низ уйти, и новое озеро образоваться, так как берендей в друзьях с водяным и русалками, жёнами его, ходит. Не разлей вода – друзья. Но это не сразу происходит. Только тогда, когда найдёт того водяного, который к нему переселиться захочет. Берендеи – они колдуны, в медведей превращаются и лес от всякого люда берегут, чтобы не жгли и не разворовывали. Надо спасать фалдинцев от чудища. Давайте, барин, и туда поедем! Уж больно хорошо у вас получается с нечистой силой расправляться. Батюшки святы, а не сын ли вы покойного дворянина Михаила Тулина, что жил в доме при въезде в Прилепы? Хороший был человек, к нам, крестьянам, с душой относился, уважал и помогал. Он охфицером императорской армии был. Супруга его, матушка ваша, умерла вскоре после того, как сам он погиб на войне, – всплеснула руками Марфа, неожиданно остановив свой рассказ на полуслове.

Сыщик подал жест успокоиться и приступил к допросу. Он совсем не хотел обсуждать с Марфой свои семейные дела. В ходе беседы с освобождёнными пленниками выяснил, что неизвестные люди, числом, видимо, двое, схватили спящего в конюшне на сене кучера Ваську. Затем заткнули ему рот и надели мешок на голову. Связав руки верёвкой спереди, погнали его бегом к обрыву. Перед кучером бежал один из неизвестных, держа верёвку, а сзади ещё один, подгоняя и не скупясь на тумаки и удары палкой. Васька был мужичок тщедушный и, естественно, сопротивления не оказал. Всё было настолько неожиданно, с его слов, и он до того испугался, что испражнился прямо в свои портки, пока бежал. По поводу мещанина Майлова история была почти похожа, но тоже с его слов.

В этот день он до глубокой ночи гулял по сельцу, недалеко от конюшен слышал шорохи и негромкие разговоры. Немедля решил узнать, кто это нарушает покой, вдруг какие злоумышленники решили своровать господское добро или, того хуже, на коней позариться. Осторожно направился к конюшням. Не доходя до строений, был ударен каким-то тяжёлым предметом. По его словам, начал сопротивляться и отчаянно драться, однако по голове ему был нанесён удар, и он потерял сознание. Каким образом оказался в пещере-норе, предполагал смутно. Помнил лишь только о том, что его тащили волоком в пещеру. На голове у него действительно имелись запёкшаяся кровь и небольшая рана, а одежда вся была в грязи. По словам обоих, злоумышленники во время своих действий не разговаривали. Оглушённый мещанин вообще пришёл в себя полностью, только когда его затаскивали в песчаную нору. Единственными словами, которые они отчётливо слышали оба, когда уже находились в пещере, были: «Теперь на Ушкинскую и в Мильки» или «Теперь на Ушкинскую и в Мульки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.